

-
- О грехе и его последствиях

- «Вкушая вкусих мало меду, ...и се аз умираю» (1Цар.14:43)

- Слово огласительное
- Слово о существе греха, его видах, степенях и различных греховных состояниях
- Слово о том, как произошел грех в мире и в роде человеческом, и как он происходит в каждом из нас
- Слово о том, чем грех соблазняет человека, и почему так много грешников нераскаянных, и так мало истинно кающихся
- Слово о том, что пагубные действия греха так велики, что мы не можем и видеть их во всей их глубине и обширности, но должны, по внушению слова божия, разума и опыта, предполагать, что они ужасно губельны
- Слово о том, что грех распространяет по всему существу человека тьму, портит его ум, безобразит и оядотворяет познания и предрасполагает грешника к сумасшествию
- Слово о том, что грех, обещая человеку вольность и независимость, лишает его истинной свободы и ниспровергает в состояние мучительного рабства
- Слово о том, что радости греховные привременны и ничтожны, что грех, напротив отъемлет у человека все истинные и чистые наслаждения и служит источником бесчисленных скорбей и бедствий
- Слово о том, что грех есть главною и первоначальною причиной всех болезней человека и его смертности
- Слово о том, что грех неминуемо подвергает человека мучительному владычеству дьявола
- Слово о лютой кончине, ожидающей грешника
- Слово о том, что за грехом последует наконец для человека вечное мучение во аде вместе с духами отверженными

Введение

«Вкушая вкусих мало меду, ...и се аз умираю»

([1Цар.14:43](#))

Какой, слушатели, враг у нас, самый первый и самый последний, самый злобный и самый коварный? Грех. Это враг самый первый, ибо кто лишил нас образа Божия, изгнал из рая сладости, поселил на сей земле бедствия и печали? Грех. Это враг самый последний: ибо кто отлучит навсегда грешников от лица Божия, покроет их стыдом и проклятием пред всем миром, и низринет невозвратно во ад к диаволу и аггелом его на мучения вечные? Грех. Это враг самый ужасный, ибо он губит нашу душу и тело, омрачает ум, поработывает сердце, подвергает нас болезням, предаёт смерти и тлению. Это враг самый коварный: ибо чего не употребляет грех к поражению и тлену нашему? Употребляет и нашу силу и наше всесилие, и наши страсти и самые добродетели, употребляет даже благодать Божию, даже бесценные заслуги искупителя нашего, внушая грешнику, по надежде на них, бесстрашие и нераскаянность. По всему этому грех, как справедливо заметили св. Отцы Церкви, ужаснее самого диавола: ибо и диавола из Ангела светоносного грех сделал духом отверженным.

Судя по такой жестокости и коварству врага нашего — греха, следовало бы ожидать, что мы будем крайне осторожны против него, и постараемся брать заранее все меры против его нападений и лукавства; что сражение с грехом во всех его видах делается постоянным и главнейшим подвигом всей нашей жизни; что для победы над грехом или по крайней мере для избежания от греха, мы будем употреблять все способности и силы наши, все средства и пособия и естественные и благодатные; что в случае поражения и ран, нам причиненных, немедленно будем восставать от падений, вознаграждать потери, врачевать раны, избегать тех мест и случаев, кои были для нас опасны и губительны; что все близко или отдаленно приводящее ко греху, делается для нас чуждым и отвратительным; все, что защищает или избавляет от греха, любезным и драгоценным. Но посмотрите на мир и род человеческий, посмотрите на других и себя самих, — и увидите совершенно противное. Малая только, весьма малая часть людей ведет ту святую брань со грехом и пороком, которую бы всем и каждому вести надлежало. Другие если начинают по временам сражаться с общим врагом, то, во-первых, по временам, без надлежащего постоянства и твердости; выходят притом на брань, не собравшись со всеми силами, не обдумав плана действий, не сообразив цели и средств, без твердой решимости победить или умереть, посему и прекращают ее при первом малом успехе или неуспехе, забыв, что брань со грехом должно вести до конца жизни. Большая же часть людей и не думала никогда о том, что надобно сражаться со грехом; вместо ненависти к сему врагу и удаления от него, сами ищут нападений и плена, сами идут во стан вражий, предают себя в его волю и требуют постыдных уз и приказаний, со всею готовностью носят первые и исполняют последние.

Что причиною, что такой ужасный враг, как грех, находит себе в нас так мало сопротивления и так много послушания и благоприятства? То ли, что нам недостает силы и средств ко сражению с ним? Нет, сего нельзя сказать: ибо хотя мы, по коварству сего же врага, лишились первобытных сил на доброе, коими снабжены были при сотворении нас, но все еще имеем столько способности, что можем питать по крайней мере постоянное отвращение ко греху и его ядовитым соблазнам. С другой стороны, каждому из нас святой верой нашей даруются силы и средства новые, не меньшие тех, которыми обладали мы некогда. Что сих новых сил и средств достаточно для совершенной победы над грехом, — свидетелем тому целый многочисленный лик святых Божиих, кои, быв во всем подобны нам, обложенные той же брэнной плотью, находясь среди тех же соблазнов, сражаясь с теми же напастями, терпя то же, и стократ больше, не усомнились выйти на сражение со грехом, поражали его во всех его видах,

остались наконец совершенными победителями: и теперь, свободные от всякого греха, исполненные всех совершенств, блаженствуют на небе, будучи готовы помогать нам во всяком греховном обстоянии нашем. Итак не бессилие наше виною того, что ужасный враг наш грех так ненаказанно господствует над нами. Что же? Между причинами сего печального явления одна из самых главных — неведение, то, что большая часть людей не знает своего врага и его ужасных свойств, не знает до того, что почитает его за своего друга. По-видимому, странно не знать греха тем, кои грешат непрестанно, но в самом деле так. Увы, мы знаем, слишком знаем грех, для того, чтобы грешить; но не знаем, как должно, греха для того, чтобы избегать его и ненавидеть! То есть, мы знаем ту сторону греха, которую он сам показывает нам, дабы обольщать нас, и не видим той стороны, которую он погубит нас и посему старается всячески скрывать от нас. В сем случае большая часть людей подобна младенцу, который, видев несколько раз разнообразные движения змеи и красивый перелив цветов ее на солнце, но не имея никакого понятия о яде ее, начал бы уверять, что он хорошо знает, что такое змея. При таком полужнании младенец готов, пожалуй, уверять, что змея прекрасное животное и что ее стоит иметь на своих руках, у своего сердца. Большая часть грешников совершенно подобны младенцу: иначе как изъяснить безумные похвалы греху и порокам, слышимые нередко из уст бедных грешников? Как понять, что многие не только грешат беспрестанно, но и хвалятся своими грехами? Утверждать, что они дошли до ожесточения нравственного и прямо ищут во грехе своей вечной гибели? Но этого бывает не видно в сих несчастных людях; и они сами первые ужаснулись бы, если б кто начал производить их греховность из этого ужасного начала. Нет, они ищут во грехе своем не гибели себе, а блаженства; и думают найти его в нем потому, что, подобно младенцу, видят только волшебную пестроту змеиной кожи, и не видят жала и яда змеиного. Если же они увидели бы ясно последнее, поняли, какой яд скрывается в сладости греховной, и убедились совершенно, что последняя греха зрят прямо во дно адово, то первые, может быть, поспешили бы навсегда расстаться со грехом, прокляли бы все наслаждения его, и решились не рабствовать своим страстям, а сражаться с ними насмерть.

При таком положении дела, очевидно, нет ничего нужнее, как распространять между людьми истинное понятие о грехе и его ужасных последствиях. Всяк, кто может, должен делать сие, должен всяким способом, при каждом удобном случае, сообщать другим, что он знает о яде греховном, какое его действие и какие против него надежные средства. Это обязанность каждого самая священная! Ибо, судите сами, не так ли именно поступаем все мы, когда идет на нас какая-либо ужасная язва: не расспрашиваем ли тогда друг друга, не рассказываем ли каждый, что он знает о язве, на кого и когда она особенно нападает, что ее привлекает и что ей противно, чем можно предохранить себя и избавиться от нее? Но какая язва может сравниться с язвой греховной и ужасными опустошениями, производимыми ею в роде человеческом? Посему нет долга в отношении к братьям нашим священнее того, как предостерегать их от греха, и для сего вразумлять в ужасное свойство ею — убивать нашу душу и тело. Это самый полезный предмет для беседования наставников с учениками, родителей с детьми, домовладельцев с домочадцами, людей просвещенных с простолюдинами.

Но если на ком всецело лежит священный долг обнажать порок от всех личин его, и показывать все ужасные последствия, то на пастырях Церкви. По всей справедливости должно сказать, что в сем наипаче должно состоять попечение о душах, им вверенных. Ибо все истины спасения, как ни благодетельны они, не произведут желаемого действия над грешником, доколе он не убедится и не почувствует, что состояние греха, в коем находится он, есть состояние самое ужасное и погубительное.

Чувствуя сию истину, и мы, братие, по долгу звания нашего, решились в наступающие дни святого поста, избрать постоянным предметом для беседований наших с вами грех и его

ужасную ядовитость. Если бы слово наше не в состоянии было возбудить чьего-либо внимания, то теперь самое время возбудить его. Ибо в продолжение поста каждому из нас надобно приступать к покаянию и исповеди: это самых невнимательных заставляет размышлять о грехе. И, так будем размышлять вместе и вслух: против общего врага нашего соединимся общими силами. Для сего, при помощи благодати Божией, рассмотрим, во-первых, что есть грех в существе своем, и какие его виды, во-вторых, исследуем, чем грех соблазняет нас, и постараемся сорвать с него все обольстительные личины, в-третьих, пройдем мыслию по путям беззакония, и покажем куда приводят они. Собеседование о сих предметах может послужить для всех нас вместо приуготовления к таинству покаяния и исповеди. Аминь.

Слово о существе греха, его видах, степенях и различных греховных состояниях

Намеревающиеся вступить в сражение с каким-либо сильным неприятелем стараются прежде всего узнать предварительно свойства своего противника, состав его полчища, силы и средства, коими он может располагать: подобно сему и для нас, коим предлежит брань со грехом, нужно, для успеха в своем деле, предварительно узнать, в чем состоит грех, где его начало, каковы его свойства, в каких выражается он видах, откуда берет силу, что ему благоприятствует и что для него противно. Кто скажет нам это? Скажет, во-первых, слово Божие, в коем грех изображается во многих местах со всеми ужасными его последствиями; скажет, во-вторых, история рода человеческого, исполненная примерами всякого рода грехов и преступлений человеческих; скажет, наконец, самый ежедневный опыт, и чуждый и свой собственный. Увы, для изображения свойств греха нет нужды прибегать к каким-либо умозрениям и пособиям мудрости человеческой, довольно посмотреть внимательно на людей, и заглянуть в собственное сердце, коему, как справедливо замечено священным бытописателем, от юности прилежит помышление на злое во все дни!

На вопрос: что есть грех? отвечает нам апостол, говоря, что «грех есть беззаконие» ([1Ин.3:4](#)). И действительно, сущность всякого греха состоит в нарушении какого-либо закона, так что если не было бы закона, то не было бы и греха. Поелику же закон сам по себе есть не что иное, как выражение воли Божией, то грех столь же справедливо называется преступлением сей всесвятой воли. При каждом грехе, человек, всякий раз вместо закона поставляет свой слепой произвол, вместо закона пресвятой воли Божией — свою злую волю, а посему при всяком грехе человек становится противником и врагом своему Создателю. Уже по сей одной черте, может судить всякий — как преступен, опасен и зловреден грех: ибо малое ли дело стать твари против своего Творца?

Так как требования закона все состоят из двух вещей — первое, чтобы мы исполняли все благое и справедливое, во-вторых, чтобы не делали ничего худого и несправедливого: то грех, как нарушение закона, тоже состоит из двух главных видов — во-первых, из исполнения того, что закон повелевает делать — грехов, так называемых, опущения, во-вторых, из совершения того, что закон запрещает делать, — грехов, так называемых, нарушения. Так, например: грешит тот, кто отнимает у ближнего, каким бы то ни было образом, его собственность; грешит и тот, кто самую свою собственность не употребляет во благо ближнего, когда может это сделать: ибо закон повелевает не только не обижать ближнего ничем, но и помогать ему всем. Подобным образом грешит не только тот, кто лжет и вводит других в заблуждение, но и тот, кто, зная истину, не открывает ее и не выводит из заблуждения. Это должно заметить особенно: ибо многие считают для себя грехом одно то, что сделали они худого и богопротивного, а что не сделано ими доброго и общепольного, — того нисколько не ставят себе в преступление. Нет, и это грех, когда человек, могши сделать что-либо доброе, не делает того по своему нерадению или малодушию. Все таковые осудятся с рабом, закопавшим свой талант в землю. И он не сделал никому ничего худого, представивши потом свой талант своему господину целым: но поелику не употребил его, как должно, то и лишен всего, в наказание за леность.

Так как свободная деятельность человека выражает себя тремя главными способами — мыслью и желанием, словом и беседой и наконец, самими действиями; то и грех имеет три главных вида. Есть грехи мысленные — это все нечистые помыслы и желания, греховные воображения и воспоминания. Питать в уме своем и сердце подобные мысли и желания, значит грешить: ибо, кроме того, что от таких мыслей и желаний часто происходят худые слова и дела,

они сами по себе уже портят Душу и делают ее нечистой и богопротивной. Как опасна и зловредна сия внутренняя нечистота и греховность мыслей и чувств — разительно показывает пример духов нечистых, ибо у них нет ни нашего слова, ни нашей телесности, их порча и развращение все заключено в их духе, и однако же как оно ужасно!

Второго рода грехи состоят из худых и гнилых слов. Сюда относятся все виды лжи и обмана словесного, все роды божбы напрасной и клятв безрассудных, все пересуды и злоречия на счет ближнего, все лжесвидетельства и клеветы, все соблазнительные шутки и срамословия. Сюда же должно отнести и грехи слова письменного, когда то, что грешно произносить устами, пишется на бумаге, и таким образом распространяется и стократ более делает соблазна и вреда, нежели произносимое устно. К сему же роду грехов будут принадлежать и те случаи, когда мы могли сказать что-либо хорошее и полезное, и не сказали, когда должны были защищать истину священную, или обнаружить ложь и клевету бесчестную, и не сделали того из расчетов самолюбия или своекорыстия.

Третий вид грехов состоит из самых порочных действий. Здесь, если начать исчислять поименно, то не останется числ и слов. Приметим только, что иные грехи прямо против Бога и веры в Него, как-то: неверие, хула и отчаяние; иные грехи устремлены прямо против ближнего, например: татьба, убийство; иные против самого грешника, например: сладострастие, невоздержание и пьянство.

Не все грехи, бывают, без сомнения, в каждом человеке, обыкновенно одна какая-либо страсть берет верх над другими и, становясь господствующею, нередко даже изгоняет другие страсти, с ней несовместные, например: скупость изгоняет невоздержание, но в сущности дела каждый грешник носит в себе семя всех пороков, подобно тому, как праведник носит в себе начало и семя всех добродетелей. Тем паче нельзя быть с одним каким-либо грехом или пороком по произволу. Человек гордый, например, бывает вместе и завистлив, и мстителен, и жесток, человек скупой — притеснителен, лжив и низок; плотоугодник — клятвопреступен, лицемерен и расточителен.

Не все грешники стоят также на одной степени развращения: в грехе, как и в добродетели, есть своя постепенность. Первая степень, когда человек начинает предаваться по временам разным порокам, или одному какому-либо, без особенного расположения ко греху, не забывая по временам и покаяние, хотя без особенных плодов его. Вторая степень — когда худые действия обращаются в навык, порок или страсть, становятся постоянным началом действий и правилом для жизни, не заглушая однако же вовсе желания исправиться и перестать грешить. Третья степень — когда развращение доходит до того, что грешник, совершенно ослепленный грехом, почитает его для себя необходимостью, вовсе забывает закон и страх Божий, грешит нераскаянно, с намерением всегда оставаться таким, как есть.

Состояния греховные также различны. Есть состояние греховного неведения, в коем человек, следуя влечению растленной природы и худым примерам, совершает многие грехи, не имея надлежащего понятия о том, как совершаемое им противно закону и природе. В таком состоянии находятся многие из бедных язычников, по недостатку истинной религии. Есть состояние беспечности духовной, в коем находящиеся вовсе не думают о том, что и как должно человеку делать, чего требует закон Божий и что воспрещает, живут как случится, поступают как случится, грешат и беззаконствуют как случится. Пример и обстоятельства, привычка и страсти суть для них вместо всех правил и законов. Есть состояние духовного лицемерия, когда человек ясно видит, чего требуют долг и совесть, и старается сохранять на себе всю личину честности, но в тайне предается всему, к чему влекут его страсти. В таком лицемерии обличал некогда Господь фарисеев. Есть состояние духовного ожесточения, когда грешник выходит из свойственной греху боязни и скрытости, бесчинствует явно, упорно отвергает все вразумления и

хвалится своими преступлениями. Есть состояние отчаяния, когда грешник, пробудившись от греха, чувствует крайнее к нему отвращение, но вообразив, что его грех неотпустителен, готов бывает на самые отчаянные поступки и против других и против самого себя: пример сего состояния — несчастный предатель Христов.

Видите, сколько болезней и язв у души человеческой! Видите, сколько уз и оков у нашей бедной свободы и воли! Видите, сколько удиц и петлей у врага нашего диавола! Посему-то св. Писание так часто советует нам непрестанно трезвиться духом и бодрствовать, посему-то люди, опытные в духовной жизни, не советуют полагаться ни на какую свою добродетель и твердость, ибо, как показывают примеры, можно с самой высокой степени совершенства духовного вдруг упасть и разбиться в прах. Но да не унывает при сем никто! Велика сила греха, но стократ больше сила благодати Божией. Многообразно полчище пороков, но еще многообразнее лик святых добродетелей Мы не одни — с нами Искупитель наш, с нами Дух Святой и Всемогущий, с нами Ангелы хранители, с нами все Святые Божий, с нами Церковь и ее таинства. Нет греха, побеждающего милосердие Божие, нет преступления, коего не могла бы смыть с души нашей всесвятая Кровь, пролитая за всех нас на Голгофе. Всякий грешник, кто бы он ни был и как бы ни были велики грехи его, если только восхощет искренне и твердо, может, при помощи благодати Божией, сделаться паки чистым и праведным и удостоиться царствия небесного: пример тому покаявшийся на кресте разбойник. Аминь.

Слово о том, как произошел грех в мире и в роде человеческом, и как он происходит в каждом из нас

Откуда грех в мире? — вопрос самый близкий каждому грешнику, но для ответа на него надобно выйти мысленно за пределы всего видимого, ибо грех произошел не в нашем мире; Благодарение, тысячекратное благодарение Господу, что не мы, человеки, были первыми виновниками греха, возмутившего беспредельное царство Божие и внесшего смерть и пагубу во вселенную! Ибо хотя мы и заразились ужасной язвой греха, но поелику она пришла к нам отынуду, заразила нас притом без полного нашего сознания: то нам еще осталась потому самому возможность быть уврачеванными от язвы греховной.

Где же, спросите, произошел грех? В области духов — в сердце Люцифера. Он породил в себе первый грех, он перелил сию язву сначала в подобных себе духов, а потом и в сердце неосторожного прародителя нашего. Как зачался и родился грех в духе Ангела светоносного, — не знаем: это тайна! Руководясь истинным понятием о совершенствах Творца и природе существ разумных, мы можем только и должны утверждать, что, первый грех произошел не от природы, а от свободы, и состоял в злоупотреблении разума и воли, а, последуя некоторым указаниям слова Божия, доумеваем, что первым злоупотреблением разума и воли в первом виновнике греха были самомнение и гордость, желание независимости безграничной и стремление сделаться подобным Богу. То же св. Писание, и уже положительно, открывает нам, что сии преступные чувства в люцифере не остановились на одном внутреннем недовольстве и тайном враждовании против Всевышнего, а дошли до явного возмущения и безумного противоборства его всемогущей воле. Такая дерзость и бунт не могли быть терпимы у престола Всемогущего — и гордый денница свержен в преисподнюю, в самую низшую область мироздания, где он действительно образовал из себя с клеветами своими собственное царство тьмы и ужаса, ненависти и отчаяния, смерти и разрушения.

Чтобы умножить число темных слуг своих и сообщников возмущения, чтобы уязвить неприступного по существу своему Творца в лице видимого представителя Его совершенств на земле, враг Божий решился заразить греховной заразой и созданного по падении его человека. Известно, как последовала сия зараза.

Для человека, яко видимого образа Бога невидимого, яко будущего наместника Его на земле и правителя всех низших существ, необходимо было испытание, или такой опыт послушания и любви к Творцу и Благодетелю своему, в коем испытываемый со всей свободой мог бы показать, что он решается единожды и навсегда подчинить свою волю пресвятой воле и закону Творца своего, дабы во всем действовать согласно Его премудрым целям и намерениям. Для сего опыта выбрано было древо познания добра и зла, с запрещением вкушать от плодов его — под опасением смерти. В повиновении сей заповеди заключалось все для человека — жизнь в исполнении ее, смерть в нарушении: ибо чрез исполнение он навсегда оставался едино со Творцом, и потому способным, к чему предназначен Его благостью: чрез нарушение отделялся от своего Творца, становился врагом Ему, и потому вовсе неспособным к своему месту и предназначению. У сего-то таинственно древа явился искуситель в лстивом образе змия, и коварным обещанием, что чрез вкушение плодов его человек не умрет, как угрожал Господь, а сделается подобным Богу, увлек его в преступление воли Творческой.

С сей злополучной минуты вторгся в наш мир грех со всеми его ужасами. Разорвав преступлением блаженный союз с Богом, несчастный прародитель наш лишился чрез то самое не посредственного, внутреннего сообщения с Источником все: сил и совершенств: ум его померк, мощь исчезла, все существо помертвело. Вместе с тем потерял он способность к

высокому своему месту и предназначению в ряду существ. А сделавшись отпадшим от Бога и лишенным первобытных совершенств первый человек не мог уже не передать сего несчастного состояния, то есть падшей природы своей и всем своим потомкам. «И роди Адам сына по виду своему» ([Быт.5:3](#)), сказано в бытописании, а уже не по образу Божию, как был создан в начале сам.

Здесь-то, в сем первобытном падении всего человечества, кроется первый, общий для всех людей, источник склонности ко злу. Этот источник есть наша собственная, падшая, помраченная, растленная грехом природа, которую каждый из нас заимлет от своих прародителей. Те, кои не признают сего источника зла, явно идут вопреки всеобщего опыта. Ибо откуда в нас столь ранний и решительный перевес чувственности над умом и совестью? Откуда такая сила над нами соблазнов и такое слабое действие на нас примеров добрых? Откуда нечистые и злые движения в самых младенцах? Не говорим уже о брэнности всего существа нашего, которая видимо не первоначального — Божеского происхождения, а следствие какого-то ужасного переворота с нашей природой.

Впрочем, тот составил бы себе неправильное понятие о сей, прирожденной нам всем, порче греховной, кто подумал бы, что вследствие ее человек должен теперь грешить необходимо. Нет, благодарение Господу! сей ужасной необходимости нет ни для кого из сынов Адамовых. Вследствие первобытного падения нашего, грех в каждом из нас имеет теперь, так сказать, уже готовое для себя место и нам гораздо труднее исполнять волю Божию, нежели было в начале, а впрочем нет ни одного греха которого бы не можно было избежать, коль скоро есть на то твердая решимость. Ибо, вследствие милосердного о нас помышления любви Божественной, мы, против немощи и порчи естества нашего, имеем теперь силу благодати, постоянно вспомоществующей нам в борьбе нашей с склонностью к злу. Посему и ныне, как в первые дни бытия человеческого, и в каждом из нас, как в первых прародителях наших, ряд грехопадений начинается не от необходимости, а от произвола и состоит в злоупотреблении разума и воли.

Как происходит в нас это новое, наше собственное падение? На сие дает нам ответ Ап. Иаков. «Кийждо, — говорит он, — ...искушается, от своя похоти влеком и прельщаем. Таже похоть, заченши, раждает грех» ([Иак.1:14, 15](#)). В самом деле, доколе душе наша благодатью Божией не исправится и не освободится от склонности ко злу, доколе в ней, как на худой почве земли сорные травы, непрестанно возникают разные греховные помыслы и желания нечистые. Сами по себе, они еще не составляют греха деятельного, а служат только признаком в нас греховного расположения, и так сказать материалом для беззакония: появление их в уме и сердце не нарушает нашей свободы, а только влечет нас, как выражается Апостол, и прельщает на грех. И коль скоро похоть греха не оплодотворяется свободой воли, то преступные мысли и желания остаются бесплодными, слабеют в душе, замирают и исчезают. В противном случае, если, вместе с пожеланием, последовало и несчастное соизволение на грех, если, вместо того, чтобы отвергнуть соблазн и искушение и подавить его разумом и совестью, мы приемлем его в объятия своих мыслей, соединяем с ним нашу волю, предаемся тому, что внушает вожделение и страсть, и решаемся исполнить злое намерение на самом деле: в то время — не прежде, «раждается», как говорит Апостол, грех. Рождается грех, хотя бы нам почему-либо и нельзя было совершить его на самом деле: ибо греховная похоть, воспринятая свободой, усвоенная волей, предназначенная к осуществлению рассудком, есть уже Полное и самостоятельное действие нашего духа и действие преступное.

Так побуждение ко злу в виде похоти бывает и изнутри — от растленного грехом сердца, но весьма часто происходит и со вне — от людей и вещей, нас окружающих. Является какой-либо соблазн, путем видения или слуха входит в нашу душу и начинает влечь за собой волю и прельщает сердце. Если человек, вооружившись страхом Божиим и чувством долга, остается

при сем на стороне совести, то соблазн, проникши в душу, теряет силу и наконец — исчезает. В противном случае, то есть, когда сей внешний соблазн усвоится сердцем, увлекает за собой волю, обращается в правило действий: мы падаем и грешим, если не внешне, то внутреннее. Разительный пример сего ниспадения ко злу представляет наша прародительница в Раю. Вот, она стоит пред деревом познания добра и зла и смотрит на него, еще невинная: и змий влечет ее ко плоду запрещенному и древо,— змий, льстивым обещанием, что в древе нет смерти, как говорил Господь, а напротив ведение необыкновенное и независимость Божеская, — древо, своими плодами и красотой. «И виде жена, яко добро древо в снедь, и яко угодно очими виде ти, и красно есть, еже разумети». Греховное пожелание уже родилось в душе Евы, но могло быть отвергнуто и подавлено рассудком и твердой волей. Прародительница рода человеческого могла сказать себе: слова змия искусительны, но слова Бога и Создателя стократ вернее и святее: вид древа и плодов его прекрасен, но закон Божий еще вожделеннее. Могла сказать так, и пойти прочь. Таким образом и внутреннее и внешнее искушение осталось бы бесплодным и обратилось бы в ничто, отринутое, побежденное, оно даже укрепило бы волю на превозможение новых и больших искушений: но сердце несчастное праматери нашей не устояло при сем в добре, увлеклось похотью, и преступление совершилось. «И взявши жена яде, и даде мужу своему, и ядоста». Подобно сему искушается и падает каждый из нас. Давид, например, случайно, видит жену Урии и, воспламенившись страстью преступной, совершает одно за другим, два ужасных преступления. Иезавель видит виноградник Навуфея, решается, во что бы то ни стало, иметь его, и также достигает своей цели преступлением.

Наконец и посредственным и непосредственным поводом ко злу, во всех его видах, может служить для нас, подобно как служил для прародителей наших, сам первый виновник греха исконный враг человечества, дьявол. Ибо хотя човекоубийца сей связан узами всемогущества Божия, и ничего не может против тех, кои пребывают под сению благодати Христовой, но те кои своим неверием и нечестием уклоняются из-под сего святого покрова, отверзают ему дверь в свое сердце, на сих несчастных людей дух злобы получает возможность действовать пря мо и непосредственно, вдыхая в них от своей полноты зла хульные мысли, зловерные похоти и богопротивные замыслы. Ужасный пример сего адского наития представляет злополучный предатель Христов, о коем прямо сказано, что дьявол вложил в сердце его, да предаст своего Учителя. То же слово Божие ясно говорит, что дьявол и доньше ходит, яко лев, некий кого поглотити. Впрочем и здесь мы возымели бы весьма неправильную мысль, если бы подумали, что он поглощает, кого хочет: нет, он поглощает токмо тех, кои сами того хотят, кои небрегут о средствах избегать сего льва и его ужасного поглощения. Доказательство сему тот же несчастный предатель. Мысль о предании была положена в душу его и принята ею: но Божественный Учитель при всем том не оставляет никаких средств, чтобы остановить его на пути предательства. Почему не оставлял? Потому, без сомнения, что Иуда мог и принятую, усвоенную мысль о предательстве удалить от себя, отвергнуть и соделаться таки тем, чем был вначале, то есть верным учеником и Апостолом. Та же драгоценная возможность — возвратиться к своему долгу и совести остается и у каждого грешника, и если он не найдет некогда для себя извинения и ответа на суде, то потому, что мог, как говорит Апостол Павел, возникнуть от диавольские сети, и — не восхотел того.

Таково, братие мои, происхождение греха в мире, в роде человеческом и в каждом из нас! Грех, как вначале произошел, так и ныне всегда происходит не от природы, а от злоупотребления воли и свободы. Без свободы нет, и не может быть никакого нового греха. Посему-то всячески должно хранить и укреплять свободу духа, ибо она, как магнит, может и возрастая в силе и умаляться, смотря по тому, как упражняют ее. В чистых Ангелах и праведниках совершенных свобода воли, от непрестанного святого упражнения в добре, дошла

до того, что сделалась вовсе непреклонной ко злу, неподвижно утвержденную в добре и законе: а в духах отверженных, от нераскаянности, гордости и непрестанных ниспадений во глубину греха, свобода воли пришла в такое состояние, что потеряла силу обратиться к добру и соделалась одним признаком истинной свободы. Подобно сему и в грешниках, нерадящих о своем исправлении, преданных слепо страстям, свобода, от повторения одних и тех же грехов, умалется наконец — до того, что они, предоставленные самим себе, без всемогущей благодати Божией, никогда не могли бы выйти из бездны греховной.

Памятуя сии непреложные истины, будем, братие мои, дорожить как можно более внутренним произволом свободы нашей, не расточая безумно силу бессмертного духа нашего, по требованию страстей и прихотей. Когда же почувствуем в себе ущербление нашей духовной свободы от грехов наших, то поспешим восполнять слабость воли нашей слезами истинного покаяния благодатными таинствами св. Церкви, подобно как мореходцы немедленно спешат снова намагничивать свой компас, когда заметят, что он теряет силу направляться к северу. Аминь.

Слово о том, чем грех соблазняет человека, и почему так много грешников нераскаянных, и так мало истинно кающихся

И разум, и опыт, и слово Божие уверяют нас, братие, что грех есть зло великое, и предаваться ему значит быть врагом самому себе. Между тем, что видим мы в мире? Что видим вокруг нас и в нас самих? Грех. Малая только часть избранных Божиих, утвердившись на камени заповедей Господних, оградившись страхом Божиим и благодатью Христовой, блюдет себя чистою от греха, постоянно сражается с ним во всех его видах, и побеждает его в себе и в других. Гораздо большая часть, если и не оставляет совершенно пути правды и истины, то непрестанно уклоняется от него на десно и шее. Еще большая часть людей и не думает о царском пути правды и долга, спокойно позволяет себя влачить страстям по всем дебрям порока. Есть наконец и такие, кои до того раздружились со всякою добродетелью, до того сроднились со всяким грехом, что подобно духам отверженным, готовы навсегда оставаться во грехе, готовы, если бы было возможно, воцарить его над всем миром.

Есть, значит, в грехе что-либо особенно привлекательное, когда он может так овладевать людьми, несмотря на все предостережения от него разума, опыта и закона Божия. Что бы это было такое? Это, по замечанию Апостола, «временная греха сладость» ([Евр.11:25](#)), и, можем прибавить мы, временная добродетели горечь. Человек создан для блаженства, и по природе своей неудержимо и постоянно стремится к нему. Поелику же в настоящем состоянии нашем, порок бывает часто сладок, а добродетель напротив горька, то человек, жаждущий блаженства, потому самому и устремляется к пороку — сладкому, и отвращается добродетели — горькой.

Но откуда сия, хотя временная, сладость порока, и эта, хотя временная, горечь добродетели? Ужели первый сладок, а последняя горька по самому существу их? Нет, этого быть не может. Грех по существу своему есть горечь адская, добродетель по самому существу своему есть сладость райская: но это по существу их, для ощущения сей горечи греха, сей сладости добродетели необходим вкус чистый и здоровый, в нас нет сего вкуса, посему добродетель кажется нам иногда горькой, а порок сладким, точно так как это бывает в отношении к яствам, во время некоторых болезней.

Такое превращение вкуса душевного бывает не вдруг. В юных летах, когда сей вкус обыкновенно бывает чище (совершенного чистого вкуса к добродетели и пороку мы, как существа падшие, не приносим с собою в мир сей), все доброе для нас бывает гораздо приятнее, и потому легче к совершению, и все порочное гораздо горче, и потому отвратительнее. Но с продолжением времени, когда чувственность наша берет верх над рассудком, когда примеры и обычаи заглушают совесть, когда грех от повторения обращается в привычку, духовный вкус наш, портясь более и более, наконец совершенно превращается, так что добродетель становится для нас горькою, а порок сладким и приятным.

Все сие проясняет отчасти темное владычество греха над нами, но чтобы видеть все приемы, коими уловляет он человека, все узы и оковы, коими он удерживает нас в своем плену, рассмотрим дело подробнее.

Мы являемся на свет сей, как показывает опыт, не с первобытными совершенствами и невинностью, а с составом души и тела поврежденным, с силами и способностями, не имеющими между собой надлежащего согласия, с видимой склонностью к чувственному, и отвращением от закона и обязанностей наших. Для исцеления нас от сей проказы, для выправления всех членов природы нашей, для возвращения нам первобытной жизни, здоровья и целости, потребно продолжительное врачевание, чем и занимаются вера и добродетель, благодать и Евангелие. Человек, предавшись им, как больной предавшись в руки искусному

врачу, по необходимости теряет большую часть своей свободы, должен жить и действовать не как хочется, а как велят, должен терпеть разные лишения, принимать много горьких капель, доколе не освободится от склонности ко греху и чувственности. Все это тяжело, иногда весьма больно для нашего плотского человека, для самого воображения, воли и свободы нашей. И вот является человеку грех и говорит: к чему сии принуждения, все эти лишения? Что тебе мучить себя? Ты таков, каким должен быть, по крайней мере, совсем не так худ, как изображают тебя вера и религия. Живи как хочется, пользуйся всем, чем можно, лови радости и удовольствия, коих и без того не много. Бедный человек внимлет обаятельному голосу, сбрасывает с себя все пластыри и обязанности, кои возлагали на него вера и добродетель, и переходит на сторону порока, который предлагает полную свободу, все виды наслаждений и радостей земных.

Во-вторых, вера и добродетель подвергая человека, хотя для его же блага, разным принуждениям и ограничениям, требуя от него нередко важных жертв и усилий, награду за это обещает не столько в настоящем, сколько в будущем, нередко отдаленном, а полного плода и возмездия за все труды и лишения и не обещают в этом мире, а велят ожидать его по смерти. Человек, озаренный светом благодати и решительно утвердившийся в добре, вполне довольствуется сим обещанием: ибо видит ясно, что дело иначе и не может быть, что доколе падшая природа его вся не обновится и не освятится благодатью, дотоле она не может и вместить полного блаженства, что самая жизнь настоящая, самая земля наша в настоящем их состоянии неспособны к сему блаженству. Но человек, водящийся мудрованием земным, не отрешившийся чувственности, не может возвыситься до сего святого взора на вещи, он, не смотря на все свои недостатки, на всю свою болезнь, хотел бы сделаться блаженным здесь, и как можно скорее. Грех пользуется всем сим, и во-первых наводит сомнения на будущие награды за добродетель, на самую жизнь будущую, что и не трудно делать для него, ибо то и другое невидимо, во-вторых, преувеличивает злонамеренно жертвы, требуемые законом и совестью, выставляя в то же время полную картину своих удовольствий. Зачем, говорит он человеку, опускать верное — настоящее и гнаться за будущим неизвестным и едва ли возможным? Я не маю тем, чего у меня нет: мои все блага и радости налицо. Они все к твоим услугам, только предайся мне. Бедный грешник посмотрит в даль будущности, обещаемой за добродетель, — и своими близорукими очами не видит ничего, или весьма мало посмотрит на область греха, она кипит пред ним утехами и наслаждением, и вот, — он на стороне греха, в плену страстей!

Опыт мог бы остановить при сем бедного человека, показать ему, как многие из грешников, вместо всех сладостей греха, или за малые капли ее, терпят и в сем мире ужасные бедствия: но грех умеет искусно прикрывать в себе эту мрачную и ужасающую сторону, представляя, что сии бедствия произошли не от самого греха и преступления закона, а от недостатка при сем благоразумия, или от особенного стечения обстоятельств. Все это бывает при грехе, говорит человеку страсть, но всего этого может и не быть: ты возьмешь против сего надлежащие меры, и на твою долю достанутся одни сладости и удовольствия.

В довершение сих обольщений, грех имеет удивительную способность разнообразить ядовитую свою сладость, смотря по требованию. Можно сказать, что сладость греховная преобразуется по вкусу каждого грешника. Для людей грубых и чувственных у греха множество наслаждений, самых плотских и грубых, для людей, живущих в области вожделений душевных, у греха есть немало удовольствий невещественных, например, удовольствие скупого от одного взгляда на кучи золота. Для людей, действующих преимущественно умом и волею, у греха наготове запас преступных наслаждений умственных, доставляемых гордостью, презорством, буйными замыслами, дерзкими поступками и проч. Даже для людей знакомых с жизнью духа, с подвигами добродетели, с совершенствами христианскими, у греха есть своя сладкая отравка: это тайное самоутверждение своими совершенствами и подвигами, с забвением собственного

ничтожества. Сей приманкой грех уловляет душу в свои сети, так сказать, под самым небом.

Самая сладость греха, в чем бы она ни состояла, имеет Ужасные свойства. Вкушаемая, она обессиливает человека во всем существе его, отнимает у него часть внутреннего чувства и разумного самосознания, неприметно погружает таким образом сначала в сон духовный, а потом в душевное оцепенение мертвенность. Обумерщвленный страстями грешник, видя не видит, слыша не слышит. Сколько ни восходит над ним солнце благодати, сколько ни орошается он струями слова Божия и христианских наставлений, сколько ни гремит над ним гром самого гнева Божия: — все это для него как бы не существует, потому что грех ослепил его ум, подавил в нем совесть, обмертвил его дух.

Будем ли дивиться после всего этого, что так мало людей избегающих совершенно сетей греха, и так немного таких, кои, имев несчастье увязнуть в сих сетях, расторгают их потом мужественно и исходят на свободу духа? Ах, если бы не всемогущая сила благодати Божией, не Ангелы хранители наши, в матернее попечение и таинства Церкви, то все мы, без сомнения, и навсегда остались бы в плену страстей, не имея и мысли о том, чтобы сражаться с ними и терпеть разные принуждения для возвращения себе свободы духа и чистоты сердца!

Не будем же забывать сего, возлюбленные! Зная коварство врага нашего — греха, и то, чем он уловляет нас, противопоставим ему всегдашнюю бдительность, строгий разбор и непреклонное отвращение. Явится ли он пред нас со своей сладостью, — отринем ее с ужасом подобно тому, как мы же отвергли бы яд, самый сладкий и вкусный. Будет ли грех прельщать нас утехами в настоящем, — вспомним, что сии утехи привременны и скороисчезающи, а скорби, за ними следующие, всегдашни и вечны. Будет ли выставлять пред нами трудность жизни добродетельной, великость жертв, требуемых верой и покаянием, скажем, что сия трудность также привременна и вместе необходима и спасительна, что сии жертвы вознаграждаются в свое время сторицей и требуются от нас ради нашего же блага, — скажем так, и пребудем верными закону, Богу и совести. Аминь.

Слово о том, что пагубные действия греха так велики, что мы не можем и видеть их во всей их глубине и обширности, но должны, по внушению слова божия, разума и опыта, предполагать, что они ужасно губительны

Одно из пагубных свойств греха, как мы заметили прежде, состоит в том, что он открывает нам только ту сторону свою, которая обольстительна для нашей чувственности, а сторону вредоносную и пагубную всегда сокрывает и представляет вовсе несуществующей. Посему, желая произвести в себе спасительный ужас и отвращение ко греху, нам должно употребить все старание, чтобы извести наружу весь яд, сокрывающийся в сладости греховной, и показать его пагубные действия. Это самое, при помощи благодати Божией, и надеемся мы сделать в следующих собеседованиях наших. Теперь же почитаем за нужное рассмотреть предварительно — можем ли мы, в настоящем состоянии нашем, видеть всю пагубу, проистекающую от греха, и если не можем, то почему именно. Это необходимо для того, дабы кто-либо не сообразил, что мы сказали о сей пагубе все, что сказать можно, и что более ни видеть, ни сказать ничего не остается. Нет, мы заранее отрекаемся от сего совершенства. Всю пагубу, от греха происходящую, не может видеть око ума человеческого. Почему?

По той самой причине, что мы не можем видеть теперь состояния рода человеческого ни прошедшего — первобытного, ни будущего — окончательного. Дабы знать, какими бедствиями разразился над человеком грех, необходимо иметь понятие о том, в чем состояло его первобытное совершенство, с порчей от греха, в душе и теле, никто ни нас не видал первого человека в состоянии невинности и бессмертия. После сего как нам определить, что сделал с нами там грех, чего именно лишил и чему подверг? С другой стороны, последствия греха должны обнаруживаться не в сей только жизни, а еще более по смерти, в вечности, которая также недоступна не только нашим чувствам, но даже и самым понятиям. Посему опять сами по себе мы не можем сказать, что сделает с нами грех, до чего прострется пагуба и жестокость его над нами. После сего для наблюдения нашего за пагубными действиями греха над нами остается один тесный круг нашего земного бытия. Здесь многие пагубные действия греха тотчас видны каждому, а большая часть опять не видна для взора самого дальновидного. Ибо грех, хотя есть яд сильнейший из всех ядов, но действие свое оказывает, обыкновенно, не вдруг, портит природу и жизнь нашу постепенно и неприметно: почему трудно указать с ясностью, что именно худого проистекло в нашей жизни непосредственно от греха, и что от других причин. Для означения всех пагубных действий греха на известного человека, надобно знать всю его жизнь в точности, взять, так сказать, всю сумму его пороков и всю сумму его страданий, и сличить одно с другим: но это невозможно. Тем невозможнее сделать сие в отношении к целому роду человеческому. Посему-то в известном церковном песнопении столь же справедливо, как и глубоко, ведение всех наших недугов греховных усвоется одному Богу: «Едине ведый человеческого существа немощь!» Точно, един Бог знает и видит, что сделал, делает и может сделать с нами грех!

Таким образом, не смотря на весь опыт и на все познания наши, мы оставались бы с весьма поверхностными сведениям: о том, как ужасен грех, и какое разрушение производит он в природе нашей, если бы не пришел к нам в сем деле на помощь один великий свидетель, который был при начале нашего бытия и видел, что произвел грех над нашими прародителями, коему с другой стороны известно все, что последует с нами за гробом, в вечности, как разразится там пагуба греха над теми, кои не успели освободиться от его лютой проказы. Этот

свидетель всеведующий есть Божественное Откровение, пред коим, как пред очами Самого Бога, открыта совершенно вся судьба наша во времени и в вечности.

Что же говорит нам сей неложный свидетель о следствиях грехов наших? Ах, он открывает нам так много, что если бы мы были внимательны к его словам, то вся жизнь наша обратилась бы в оплакивание того, чего мы лишились через грех, и в избежание того, что нам угрожает за грех. Ибо чего же лишил нас грех, по свидетельству слова Божия? Лишил образа Божия, украшавшего нас в состоянии невинности, и заключавшего в себе, вместе с богоподобием, основание и залог всех совершенств, лишил блаженного общения с Богом и миром Ангельским, лишил бессмертия и жизни в раю, лишил господства над тварями и всей землей.

Вот наши лишения! Кто, скажем с Соломоном, может исчислить их и взвесить? ([Еккл.1:15](#))

Не меньшее зло угрожает нам от греха, по свидетельству того же слова Божия, и в будущем, ибо угрожает совершенное разобщение с Богом и небом, совершенное лишение всех благ небесных, угрожает бесконечная потеря всякой истинной жизни и радости, угрожает ужасное, невольное, вечное пребывание с духами отверженными во аде, среди мучений нескончаемых. Что может быть ужаснее сей участи?

Отважимся ли подозревать небесного свидетеля в неверности и неточности его свидетельств о пагубных действиях греха? Но какая ему нужда вводить нас в заблуждение? А с другой стороны свидетельство слова Божия в сем случае разительно подтверждается свидетельством всего первобытного человечества. Ибо, что говорят нам все самые древние предания о нашем первобытном состоянии? Все они, не смотря на разность народов и стран света, говорят одно — что первые люди наслаждались величайшими совершенствами и самым блаженным состоянием, и что все сии совершенства и блаженство погибли от преступления заповеди Божией, что все бедствия, покрывающие лицо земли, покрыли ее именно с того времени, как воцарился в людях грех.

Иначе и быть не могло, по самому обыкновенному и вместе неизменному порядку вещей. Каждое творение имеет закон своего бытия, начертанный для него Творцом премудрым и всемогущим. Уклонение от сего закона жизни и совершенства неминуемо портит и губит все уклоняющееся, как это можно видеть во всех царствах природы. Драгоценный камень, когда в нем отразился в точности закон его бытия, крепок, светел, прозрачен и многоценен, в противном случае безобразен, тускл, ломок и малоценен. Дерево, соответствующее образцу своей породы, стройно, крепко, долговечно, плодоносно, а уклоняющееся от него криво, безобразно, бесплодно и негодно к употреблению. То же в царстве животных; неправильное и, можно сказать, незаконное смешение пород в животных, разлученных от сожития самой природой, если и дает бытие, то существам уродливым, слабым, кои притом не могут продолжать своего рода.

Так отмщает за себя всякое уклонение от законов бытия в природе, нас окружающей! Тем разрушительнее это уклонение должно быть для человека, ибо глубина падения и разрушения, им произведенного, всегда соответствует высоте и огромности здания, а человек есть владыка и венец всего видимого. В тварях неразумных грех не может оказать во всей силе своего яда, ибо самое бытие их временно и преходяще, он только портит и разрушает их. А в человеке, как существе бессмертном, для него пища вечная, неистощимая. Здесь вселившись, грех может жить всегда, вечно мучить и терзать, губить и разрушать без конца.

Как ни закрыто от нас это будущее тиранство греха над существом человека по смерти, в роде человеческом всегда было глубокое предчувствие того, и постоянное, всеобщее желание предупредить это тиранство. Ибо пересмотрите предания всех народов, самых просвещенных и самых грубых: в каждом из них найдете верование в будущее ужасное состояние грешников по смерти. И что значат все жертвы за грехи, приносимые божеству в разных видах всеми

народами, как не покушения примириться с небом, избавиться от греха и предупредить его ужасные действия на людей за гробом, в мире будущем? Не станем входить в рассмотрение действительности сих жертв (что могло примирить нас с небом и освободить от греха и проклятия, кроме единой Божественной жертвы, принесенной на кресте?): для нас довольно видеть, что весь род человеческий, всегда и везде, признавал в грехе зло для человека самое ужасное, коего разрушительные следствия простираются на целую вечность.

Запасшись сими мыслями, обратимся теперь, в следующих беседах наших к рассмотрению пагубных действий греха, по отношению ко всем силам и способностям человека, к состоянию его настоящему — на земли, и будущему — по смерти. Аминь.

Слово о том, что грех распространяет по всему существу человека тьму, портит его ум, безобразит и оядотворяет познания и предрасполагает грешника к сумасшествию

«Пойдут яко слепи, зане Господеви прегрешаши» ([Соф.1:17](#))

Самое первое из обольщений, коими адский змий увлек в раю злополучную прародительницу нашу к преступлению заповеди Божией, состояло, как известно, в обещании ей, от вкушения плода запрещенного, какого-то особенного ведения, подобного Божескому: «в оньже аще день снете от него, — говорил змей, — отверзутся очи ваши, и будете яко бози, видяще доброе и лукавое» ([Быт.3:5](#)). Хотя горький опыт прародителей долженствовал бы вразумить всех нас не полагаться на сие лукавое обещание, и почитать грех источником не света и познаний, а тьмы и заблуждений, но искуситель и враг человеков имеет столько бесстыдства, что доселе не престаёт употреблять тот же обман, увлекаая ко греху, между прочим, признаком мудрости и ведения.

В самом деле, посмотрите на грешника из людей, так называемых, образованных, что вы заметите в нем? Первее всего умственную надменность и презорство: многие из таковых готовы сказать прямо, что они потому и позволяют себе, чего не позволяют другие, что знают более других. И как обыкновенно люди развратные смотрят на тех, кои всегда верны закону и своему долгу? Как на людей ограниченных, неспособных к чему-либо высшему и большему. Подобное сему можете заметить в грешнике из самого низшего класса людей, и он почитает себя превыше толпы своих собратий, готов при каждом случае задавать им тон, быть вождем их, как опытный и знающий. Что всего жалче, — хвастовство и наглость порока причиною того, что самые добрые люди привыкают смотреть на людей развратных, как на существа, хотя и падшие, но обладающие особенной силой ума, и вследствие сего оказывают в отношении к ним, вместе с сожалением, некоторый род уступчивости и даже уважения.

Не тем ли нужнее сорвать с порока эту личину велемудрия и показать, что если есть такая тьма в роде человеческом, то она вся от греха и порока, что грех, где ни проявляется, везде ведет за собою мрак и слепоту, что он ослепляет и портит самые великие способности, превращает и губит самые обширные познания, что неотъемлемое свойство его предрасполагать человека к умственному помешательству?

Будем ли мы однако же оспаривать для сего у грешник всякое ведение? Нет, мы усвоим ему оное, даже в некоем особенном роде, имея в виду опыт и пример наших злополучных прародителей. У них, по падении, действительно отверзлись очи, как обещал искуситель, но что увидели? «Яко нази беша» ([Быт.3:7](#)).

Вот новое познание, произведенное грехом, и вместе наказание за грех, ибо не знать своей наготы было одним из преимуществ состояния невинности. Отверзлись очи телесные, но в то же время видимо закрылись очи духовные, ибо от кого хотели укрыться прародители наши? От Бога и Творца Вездесущего. Так мгновенно затмилась в душе самая очевидная и непреложная истина вездесущия Божия! Подобное несчастно отвержение очей продолжается и доселе у грешника: после каждого нового преступления он видит себя в новом состоянии познает, чего не знал прежде; и если сложить разные виды грехов, все опыты зла и падений, то, пожалуй, составитя род знаний, коих не имеет не только человек добродетельный, но самый Ангел, подобно тому, как человек, не бывший больным не может знать опытно того, что производит в человеке болезнь. Но, братие мои, судите сами, что это за ведение? Как оно жалко и отвратительно! И как стократ лучше не знать того, что знает на свою беду грешник. И однако же

он из того жалкого ведения извлекает нередко способы казаться мудрее других. Присоедините к сему наглость порока, который, снимая с человека самые священные узы, первое всего делает необузданными его мысли и ум — и вы поймете, как грешник может казаться знающее других. Как первое свойство человек добродетельного — держать себя в пределах веры и скромности. Почему он, не полагаясь на силы своего ума и проницательность, всегда готов сознать свое неведение, остановиться — в недоумении, как ему действовать, тем паче не позволит себе дерзко судить о том, что выше его понятий: так первое свойство грешника — судить и рядить обо всем, всем быть недовольным, всему предписывать законы, показывать себя всезнающим и ко всему способным. С таким духом и бесстыдством, при некоторой способности и познаниях, удивительно ли прослыть иногда умником? К довершению обаяния греховного, в сем отношении, люди действительно даровитые, — частью по наклонности нашей поврежденной природы к злу, частью по превратности воспитания и самых даже наук, — редко не платят хотя на время, дани пороку, который, губя в них все лучшее, — самый ум, извлекает однако из их дарований ту для себя выгоду, что, опираясь на их личность, выдает мрачное знамя свое за хоруговь мудрости. Эта, говорю, жалкая падкость людей даровитых на грех дает пороку возможность носить личину ведения и прельщать ею взоры людей, неумеющих отличать дары Творца от их злоупотребления. На чьей стороне видят нередко людей, почитающихся умными, о той стороне и думают, что она есть область света и ведения, не обращая внимания на то, что сии даровитые люди суть пришельцы в ней и жалкие изменники своей родине.

Видите, что мы не сокрыли ничего, что во грехе, как в змие, может быть блещущего, а в то же время видите сами, как ничтожен призрак мудрости, кою обольщает порок. Итак, довольно уступок: взглянем теперь в лицо этому лукавому врагу, приблизим к нему свет опыта и посмотрим, что с ним будет!

Не подлежит, братие мои, никакому сомнению та печальная истина, что род человеческий покрыт какою-то неестественною тьмою неведения, и что все усилия разогнать сию тьму остаются доселе без значительного успеха. Что всего жалче, — тьма сия не дает человеку видеть того, что для него особенно нужно видеть ясно, даже — кто Творец и Владыка судьбы его? Даже откуда он сам и для чего здесь на земле? Даже — что ему должно делать, к чему готовить себя, и что ожидает его по смерти? Это предметы крайней важности для человека: и они-то покрыты великой тьмой. Самые образованные народы слепоствовали в сем отношении наижалчайшим образом. Мы удивляемся теперь просвещению древних греков и римлян: но спросите, кому поклонялись они? Истуканам. Что знали о происхождении и судьбе человека? Ничего ясного и решительного. Лучшие из людей старались освободить и себя и других от этой тьмы, зажигали множество для сего светочей, производили иногда вокруг себя некое мерцание, — даже пожары но мерцание исчезало, пожары угасали, — а мрак и неведение оставались.

Возможно ли, чтобы сия ужасная тьма была естественна человеку, чтобы Творец премудрый, создав такое существо, как человек, не дал ему ясно знать о Себе, не сказал прямо о его предназначении, и не указал, куда ему идти и каким путем? Какой земной отец поступит так с своим сыном, — послав в путь дальний, не скажет, что делать на пути и что за место, куда он послан? Но род человеческий именно находится в подобной тьме. Если бы мы захотели быть несправедливыми в отношении к любви Отца Небесного, и вздумали предполагать, что она поступила с нами, как земные отцы поступают иногда с детьми своими, тотчас по рождении сокрываясь от них навсегда, и оставляя их на произвол случая, то нас обличил бы взгляд на все прочие творения, из коих каждое снабжено всем для него нужным, обличил бы самый остаток света и истины прирожденных душе нашей, который показывает, что мы были некогда снабжены в избытке потребным запасом видения, не умели сохранить его в целости, обличил бы, наконец, голос всего первобытного человечества о том, что человек в начале своего бытия

был и ходил во свете, но потерял его.

Кто же лишил нас сего естественного, первобытного света и погрузил во тьму, от коей, при всех усилиях, доселе не можем избавиться? Никто и ничто, кроме греха. В состоянии невинности, как видим из бытописания, праотец наш обладал способностью провидеть самое внутреннее свойство вещей, почему и нарек имена всем животным по одному взгляду на них, — такие имена, кои одобрены к употреблению, за их доброту, Самим Богом: по падении тот же праотец вдруг ослеп до того, что вообразил себе возможность укрыться от Бога вездесущего в сени древ райских. Остатки первобытного света, доколе жили Патриархи, спасали человечество от погружения во тьму совершенную, но когда сей драгоценный запас преданий, сие священное наследие рая истощилось, и человечество осталось с своим ослепленным от греха разумом, в то время тьма неведения обнаружилась во всей силе, и человек начал говорить древу: «ты отец мой», камению: «ты мя родил еси».

К большому несчастью нашему, грех не только лишил нас первобытного света Божественного и отдалял предметы ведения, но и соделал нас неспособными видеть их, испортил наше зрение умственное до того, что теперь, если бы и показать человеку сии предметы, то он не увидел бы их, как должно.

В самом деле, что представляют собой умственные способности наши? Представляют не только слабость крайнюю, но и какое-то внутреннее расстройство, похожее на то, как если бы в зрительной трубе передвинуты были с надлежащего места все стекла. И вот изъяснение, почему наука ведения, при всех усилиях образовать ум человека, достигает весьма небольших успехов, а иногда вовсе ничего не производит. Это потому, что ум наш поврежден грехом в самом составе своем. Посему жалкое заблуждение, когда мы думаем, что уму нашему, равно как и прочим способностям души, недостает только одного приличного образования и, так сказать, полировки. Нет, нынешнему уму человеческому недостает не одного правого образа, в нем нет внутренней целостности и здоровья, недостает, следовательно, того, чего никакая наука дать не может. Посему-то слово Божие, приемля на свои руки просвещение человека, идет к сей цели не путем только сообщения ему познаний, хотя могло бы вдруг открыть ему их множество, а первее всего путем врачевания, и предает его для сего в руки не земным образователям и наставникам, а небесному, всемогущему Врачу умов и сердец — Духу Святому, да отверзнет «очи сердца», да снимет с них наследственное бельмо, да помажет их таинственным «коллурием», да исцелит их и воссоздаст. И те, над коими совершена сия священнотаинственная операция, у коих благодатию Божию отверзлись очи ума и сердца, те, без всякой науки, познают и видят то, чего не доставляет никакое земное образование.

Судя по сему, что грех лишил уже нас первобытного света и ведения и сделал то, что мы приходим в мир сей слепыми духом, ему, казалось бы, уже нечего было делать в частности над умом бедных грешников. Но свойство ослеплять никогда не может оставить его. С другой стороны, у человека все еще есть остаток света естественного, а у христианина, кроме того, не мало света откровенного: посему грех и теперь, при каждом появлении своем в человеке, ведет за собою для него новую тьму, в добавок к общей природной. Посмотрим, как сия тьма овладевает грешником.

Первое и неизбежное действие порока в человеке то, что отвращает лицо и все существо человека от неба к аду, вместе с тем первое и неизбежное следствие порока то, что духовное Солнце — Бог престаёт освещать душу грешника. Над его душою потому тотчас начинается распространяться внутренний мрак, не могущий быть разгнанным никаким светом земным, и дающий по временам с силою себя чувствовать и самому бедному грешнику и другим. Самый образованный из грешников в минуты самосознания ощущает, а иногда и со вздохом говорит, что у него на душе темно!.. Почему темно, когда она, по-видимому, наполнена всякого рода

познаниями? Потому что в ней нет света Божия, а света Божия нет потому, что она отвратилась от лица Божия. Это состояние внутреннего омрачения от греха видимо бывает и для других. Над многоучеными, но порочными людьми постоянно висит что-то мрачное, они задумчивы, их взор бегл и мутен, в них нет душевной ясности, их движения беспокойны, предприятия нерешительны, самые радости мрачны и пусты, они подобны человеку, идущему впотьмах, ощупью. Над человеком добродетельным напротив, хотя бы он не был знаком ни с каким образованием, всегда носится некий свет, мирно почивающий в его душе, светящий в его чистом и светлом взоре, отсвечивающий нередко и на его лице, озаряющий все пути его и дающий ему удобность быть в действиях своих твердым, правильным и спокойным. Это свет лица Божия, к коему постоянно обращена душа чистая.

При сокрытии чувственного солнца, делаются по крайней мере видимы на небе другие светила, при закрытии в душе Солнца духовного Бога — напротив. Здесь во всей силе исполняется то, что, по свидетельству слова Божия, должно произойти при кончине мира: не только солнце померкает, но и луна не дает света, и звезды спадают с небесе. Эта луна — наша совесть: незаряемая в грешнике светом лица Божия, она сама не дает достаточного света, чтобы освещать пути его жизни. Звезды эти суть — высокие и святые истины, кои для руководства нашего водружены рукою Творца на тверди духа человеческого. Таковы понятия о Боге и Его святом законе, нашем вечном предназначении и воздаянии за гробом. Сии звезды путеводные покрываются мраком в душе грешника и становятся неприметными. И вот где изъяснение того несчастного, но обыкновенного явления, что люди по-видимому самые образованные, но порочные, не только хладны к сим истинам, но даже решаются идти против них. Это приписывают нередко злонамеренности, между тем большей частью это естественное следствие греховной жизни: пророк простер покров на сии звезды, сокрыл их от умственного взора грешника, и он, не видя их в душе своей, потому самому готов утверждать с упорностью, что их нет вовсе в душе человеческой. Посему, когда сретите, братие, жалкого умника, который осмеливается глумиться над священными истинами, то не вступайте с ним в спор, вы не можете сим разогнать в душе его тьмы адской: а если возможно, возьмите его за руку и скажите с сожалением: «Ах, любезный брат, как дошел ты до такого ужасного ослепления? Да воссияет над тобою свет Христов!». Скажите так, и помолитесь за него с усердием к Тому, Который един может извести его из тьмы в чудный свет Свой.

Лишившись благодатного наития силы Божией, вышед из-под управления совести, рассудок в душе грешника становится жалким рабом господствующей страсти, которая для большего порабощения избодает ему очи, чтобы он не видел истины, доказывал и утверждал не то, что следует по вечным законам правды и долга, а что повелят гордость житейская, корысть и плотоугодие. Посему-то нет такой лжи и нелепости, которую порабощенный страстям рассудок не готов был бы утверждать со всем усилием и ревностию, и нет такой истины, которой он не усумнился бы чернить и опровергать, коль скоро она не по его выгодам. От частого упражнения своих умственных способностей в сем жалком превращении истины, грешник видимо тупеет и наконец теряет чувство и вкус истины до того, что не умеет отличать ее от лжи, и принимает за истинное одно то, что ему нужно по его видам. И это отношение к низшим, так сказать, материальным и житейским истинам, а в отношении к высшим, священным, у закоренелого грешника бывает не только отвращение, но и явная ненависть, так что ему крайне приятно подвергать их сомнению, осмеивать тех, кои свято их держатся, говорить и писать против всего святого. В сем случае бывает с людьми развратными то же, что с людьми страждущими болезнию глаз: свет им несносен, особенно солнечный, они с удовольствием предпочтут ему свет гнилого дерева, которое более по их глазам, нежели солнце.

Что делается с познаниями грешника, если он имеет их? Порок, кроме того, что всегда

значительно сокращает круг их, всегда же отъемлет у них глубину, силу, стройность и жизнь. Во всех предметах знания нашего есть сторона священная, коею оно обращено к Виновнику всяческих. Сия святая и возвышенная сторона для порочного и вольно мысленного человека не существует. Оттого все изображения предметов, делаемые писателями безнравственными, всегда отзываются пустотой внутренней и мертвостью, ибо мир безбожный есть бездушный труп, по коему разбросаны цветы.

Какое употребление делает порочный человек из познаний своих и способностей? Самое жалкое и ужасное. Все пересуждать, опровергать, извращать есть его неизбежное свойство. Оттого нет опаснее для общества людей, как образованных науками, но преданных страстям, оттого умножение ложного безнравственного просвещения всегда влечет за собою расстройство семейств и погибель целых государств.

Какой, наконец, бывает исход умственного омрачения, производимого пороками и страстями? Видимое расстройство всех познавательных способностей, ослабление внутреннего самосознания и духовной личности, наконец явное помешательство ума. Да удалится от нас мысль судить и осуждать тех несчастных братии наших, кои находятся в сем последнем состоянии! Но как не возвестить того, что так громко проповедуется самими служителями нашего телесного здравия, то есть то помешательство ума первоначальным и главным источником своим почти всегда имеет греховное состояние души? Что оно вообще направляется в видах своих по видам страстей человеческих, что самая сущность его состоит не в ином чем, как в затмении понятий о Боге и потере нравственного чувства? Основываясь на показаниях самой врачебной науки, мы имеем все право утверждать, что человек развратный, если бы жизнь его продолжилась на земле долго, чего однако почти никогда не бывает, то он неминуемо сходил бы наконец с ума. Ужасный пример сего мы видим на духах отверженных. Что они, при всех великих способностях их, как не существа помешавшиеся в уме на гордости и ненависти к своему Создателю? И вот изъяснение, как они не могут понять, например, невозможности сражаться твари со своим Творцом, как могут отваживаться идти против Всемогущего. Это сущее безумие, но для них кажется мудростью, потому что они вне себя, находятся в состоянии исступления, погубили свой ум и чистое сознание самих себя.

К вам теперь да обратится слово наше, кои занимаетесь науками и с таким усердием посещаете наше Богослужение и собеседования. Образование ума и умножение всякого рода познаний составляет теперь главный предмет деятельности нашей. Пребудьте же уверены, что истина и добродетель едино, едино в Боге, яко источнике всякой истины и добродетели, едино в природе, как произведении премудрости и святой воли Божией, едино должны быть и в человеке, яко образе Божиим и милом мире. Можно насильственно отделить на время луч истины от луча добродетели в душе человека: но тогда сей луч, подобно раздвоенному лучу солнечному, теряет свою силу, престаёт согревать и животворить. Чистота совести и нравов озарит немерцающим светом не только все стези нашей жизни, по и всю область наших познаний, ибо вы будете постоянно находиться во свете лица Божия. Вместе с сим в душе вашей откроется неиссякаемый источник мыслей светоносных и чувств высоких. Грех, напротив, омрачит, оядотворит и изгубит все ваши способности и умственные приобретения, подточит в самом корне прекрасный цвет познаний. Итак, прилежно затыкайте слух от всех обаяний вольномыслия, постоянно закрывайте взор от всех прелестей порока, памятуя изречение древнего мудреца, что «в злохудожну душу не внидет премудрость, ниже обитает в телеси, повинном греху» ([Прем.1:4](#)). Аминь.

Слово о том, что грех, обещая человеку вольность и независимость, лишает его истинной свободы и ниспровергает в состояние мучительного рабства

«Всяк творяй грех раб есть грех''' ([Ин.8:34](#))

Если смотреть на поверхность греха и на первые шаги грешника, то в грехе представляется не рабство, а вольность и независимость. Ибо, в чем состоит грех? В том, чтобы не слушать велений самого Бога, идти против законов своего Творца, быть самому для себя началом и концом действий, кумиром и чистилищем. Грешник свободно позволяет себе то, о чем добродетельный человек и помыслить не смеет, наслаждается такими вещами, кои неизвестны и как бы не существуют для последнего, становится, повидимому, превыше всего. Сие-то, конечно, разумел искуситель эдемский, когда говорил нашей праматери: «будете яко Бози» ([Быт.3:5](#)). Сим-то, без сомнения, увлечен и он сам несчастный, когда решился развить знамя возмущения против Всемогущего.

К сему же, явно или тайно, но неизбежно, стремится и каждый грешник. Дайте волю его необузданным желаниям, доставьте ему средства к выполнению безумных замыслов, отнимите с пути его все преграды, и вы увидите, что он не удовлетворится ничем, пойдет в гордыни своей и алчности к наслаждениям, все далее и далее, возмечтает быть подобен Вышнему, скажет прямо с Фараоном: кто есть Бог, да послушаю его? И не видели ль времена недавние ужасного примера, как целый народ, славившийся образованием, но потерявший чистоту нравов, дерзнул, в лице обуявших от гордости и порока, представителей своих, отвергнуть всякое верование, запретить все виды богослужения, провозгласить божеством разум человеческий и воздать ему поклонение, подобающее единому Богу! Так, по-видимому, грешник горд и далек от всякого унижения и рабства! И однако же ничто так не близко к нему, как рабство, ничто так неминуемо, как унижение! Кто унижает и поработывает его? Тот же самый грех, который прельщает вольностью и независимостью. Всяк творяй грех раб есть греха.

Каким образом происходит это? Самым неизбежным. Истинная свобода человека состоит в том, чтобы свободным образом соединиться с высочайшей, Божественной свободой, от коей она проистекла, усвоить себе ее святой образ действий, и таким образом облечься ее всемогуществом. Грех расторгает сей блаженный союз, ставит свободу человеческую в противоположность свободе Божественной и ее всемогуществу: посему лишает свободу человека единственного источника силы и могущества существенного, непреходящего. Со свободой человеческой должно, в сем случае, происходить то же, что бывает с ветвью, отторженной от древа: обе должны вянуть, истощаться и умереть. Если грешник до времени не чувствует сего, то потому, что в нем, по расторжении блаженного союза с Богом, остается на время часть произвола нравственного, подобно как в отторженной от древа ветви остается на время некоторая жизненность, и она несколько часов может удерживать свою зелень, листья и цветы. Но воцарившийся в душе грех вскоре требует в жертву себе и этот малый остаток произвола духовного, и бедному пленнику ничего не остается, кроме рабства. Ибо почему грешник отторг свою свободу от воли Божией и закона? Потому, что ему показалось что-либо лучше воли Божией и закона. Что бы ни было это мнимо лучшее — честь ли, стяжания ли, удовольствия ли чувственные, все это, будь самое ничтожное, становится для человека кумиром всевластным. Что прежде он должен был делать для Бога, по требованию закона и совести, то теперь должен делать для своего кумира, в каком бы виде он ни был, по требованию своей страсти к нему. Сначала и здесь остается призрак свободы, так что грешник чувствует себя в

состоянии бросить и разбить свой кумир, но потом наступает от часу тягчайшее рабство, так что грешник невольно делает все то, чего ни потребует его идол греховный. В сем случае пленник греха подобен человеку, сходящему с высокой и крутой горы: сначала горизонт обширный, множество видов пред глазами, стезей под стопами, но чем далее и шире, тем горизонт уже, видов и следов менее, наконец остается одна стезя, ведущая или паче влекущая в пропасть.

В самом деле, братие мои, долго ли грех удерживает пленников своих хотя той жалкой чести, чтобы держать их в непосредственной зависимости от себя, с правом блуждать по всем стропотным распутьям беззакония? Не долее того, как усмотрится (а это бывает весьма скоро) удельная способность каждого пленника в известной работе греховной. После сего грех тотчас распределяет пленников своих между своими жестокими приставниками: одного отдает в рабство плоти и чувственных удовольствий, другого заставляет работать любостыжанию и скупости, третьему велит быть в услугах честолюбия и гордости житейской. Преданный одной страсти грешник не имеет иногда и столько свободы, чтобы перейти на служение в другой: не смеет и не может переменить даже своих уз, так, например, плотоугодник часто бывает глух ко внушениям честолюбия, скупец не может терпеть чувственных удовольствий и проч.

Что делает с бедным грешником и его свободой страсть господствующая? То, что делается у далеких варваров с их пленниками: чтобы они не могли убежать, им выкалываются глаза и подрезываются на ногах жилы. Так и страсть избодает у грешника очи: все видят ничтожность его кумира, опасность его положения, неминуемые следствия разврата, один грешник слеп, ему кажется нередко, что он живет и ведет себя как нельзя лучше. Страсть варварски портит у грешника ноги: все понуждает его иногда сойти с пути беззакония, он сам чувствует благоприятную минуту бежать из оков, и однако же не может сдвинуться с места, или, сделав несколько шагов, падает, и, попавшись снова в плен к своему владыке, подвергается тягчайшим узам.

В самом деле, дотоле грешник работает, подобно бессмысленному животному, во угождение греховной страсти, доколе она молчит и как бы не существует, дает ему свободу потрясать и звенеть своими цепями, представлять из себя человека с сердцем независимым. Но едва открывается в бедном грешнике намерение разорвать свои узы и изыти на свободу духа, тогда обнаруживается вся лютость страсти, самые малые благие помыслы воспрещаются и преследуются с ожесточением. Если грешник, не смотря на тяжесть греховной привычки, не оставляет желания освободиться от ней: то начинается брань внутренняя, самая ужасная, которая при неравенстве сил духовных, остающихся в грешнике, с силою страсти возросшей в исполина, всегда бы оканчивались неизбежно победой греха над пленником своим, если бы к последнему не приходила на помощь благодать Божия. Но и содействие всемогущей благодати остается нередко без успеха, потому что сам человек не дает ей всего пространства в сердце своем.

Никогда не забыть мне, братие, одного печального случая, поразившего меня на всю жизнь, при коем во всей силе обнаружилось то, о чем мы рассуждаем теперь. Мне случилось посетить человека, имевшего несчастье заразиться — страстью невоздержания, но непотерявшего чувства отвращения ко греху, одаренного отличными способностями и познаниями, даже любовью ко всему доброму. Это было в минуты борьбы его со страстью. Боже мой, что увидел я! Увидел бедную душу, опутанную с ног до главы узами страсти, увидел ангела падшего, желающего восстать от падения и немогущего свергнуть с себя тяжести греховной, увидел въяве борьбу неба с адом. Чего не делал несчастный? Потoki слез текли из очей его и омывали самую одежду, то становился он на колени пред святой иконой и поднимал очи к небу, то бил сам себя в грудь и рвал на голове волосы, то обращался за помощью ко всем святым угодникам, и отдавал себя им в покровительство, как утопающий, то проклинал день рождения и призывал смерть, то

подозревал в себе присутствие злого духа и дерзал на хулу против Провидения.

И чем оканчивалась сия ужасная борьба? Большею частью победой страсти над духом и совестью. Да поможет тебе, возлюбленный собрат, в мучительном подвиге твоём, всемогущая благодать Божия, и да изведет тебя на желанную тобою широту и свободу духа! Если я дерзнул извести судьбу твою пред моих слушателей, то потому, что ты сам не скрывал своего бедственного состояния и собственным примером убеждал блюстись уз греховных.

Когда в продолжение немногих лет, братие мои, грех так может обуять самых лучших из людей, задушить нравственную силу воли в тех, кои одарены множеством средств питать, поддерживать и врачевать ее, — то что мог бы произвести грех над свободой человека, если бы последнему дано было здесь жить и работать греху в продолжение многих веков? Ужасный пример сего представляют духи отверженные. Почему благодать Божия, простертая ко всем грешникам, для них как бы не существует? Потому, что они не хотят участвовать в помиловании. Почему не хотят? Потому что не могут. Почему не могут? Потому что грех задушил в них свободу духовную; они ожесточились во зле до того, что возврат назад соделался для них нравственно невозможным.

Если от такой участи, от такого жестокого рабства греху не спаслись ангелы падшие, то спасемся ли, братие, мы, если предадимся нераскаянно греху? Итак, будем прилежно блюсти свободу нашего духа и воли, дабы, раз потеряв ее, не искать потом напрасно всю вечность. Не будем скучать принуждением, необходимым для добродетели: это принуждение на время, доколе не выправятся вывихнутые от падения члены существа нашего: тогда хождение во всех путях закона соделается для нас естественным и легким, тогда стократ приятнее будет повиноваться пресвятой воле Творца, нежели носиться в вихре страстей и греховных удовольствий, а наконец, при помощи благодати Божией, достигнем, по примеру небожителей, и того, что уклонение от закона Божия соделается для нас совершенно невозможным, — еже буди со всеми нами! Аминь.

Слово о том, что радости греховные привременны и ничтожны, что грех, напротив отъемлет у человека все истинные и чистые наслаждения и служит источником бесчисленных скорбей и бедствий

«Несть радоватися нечестивым, глаголет Господь» ([Ис. 48:22](#))

А за чем же бедный грешник стремглав бежит в пропасть греха, как не за радостью и утехами? Послушайте миролюбцев — они и ныне говорят то же, что твердили во времена Соломона: «приидите, насладимся настоящих благ; ни един от нас лишен да будет... наслаждения: везде оставим знамение веселия, яко сия есть часть наша и жребий сей» ([Прем. 2:6, 9](#)). Если бы не радость и веселие, то мир и грех давно потеряли бы всех своих поклонников. Что же значит слово Пророка, отъемлющее радость у нечестивых?

То, что нечестивый только гоняется за радостью, а в самом деле не достигает ее, — то, что мнимые радости греховные пусты, привременны и ничтожны, и что грех, увлекая призраком чувственного веселья, в то же время отъемлет у человека радость истинную, и делает сердце его неспособным к блаженству, то наконец, что вместе с развратом души и сердца открывается для человека неиссякаемый источник огорчений и бедствии.

В самом деле, братие мои, как бы грешник мог иметь те божественные и неизглаголаные радости, кои исходят от Духа Святого, и коих одну каплю не может заменить целое море мирских наслаждений? Сии святые радости и утхи, составляющие верх земного и залог небесного блаженства душ чистых и святых, для грешника совершенно потеряны: ибо грех разорвал блаженный союз, долженствующий быть между Богом и душою, сотворенною для блаженства в Боге. Между ними, в греховном состоянии, нет другого отношения, кроме неизбежного — твари неблагодарной ко Творцу Всемогущему, преступника к Судье и Владыке. Мысль о сем отношении, как грешник обыкновенно ни силится заглушать ее, сильно пробуждается по временам и всегда исполняет его тайным страхом и печалью.

Лишив человека радостей божественных, грех не дает ему наслаждения и чистыми радостями человеческими. Первая из них есть радость благой совести, и ее-то первой лишается грешник. Вместо внутреннего мира, душевного наслаждения и святого ободрения от совести, в глубине души его таится скука, недовольство и тяжесть. Справедливо, что совесть в грешнике с умножением беззаконий, с возрастом его в зле и нечестии, сама слабеет, но все никогда не может умолкнуть совершенно, даже когда молчит, то глухое, но тем не менее ощутительное чувство, как некая глухая рана, тяготит и тревожит. Отсюда-то почти всегдашний оттенок смущения и недовольства на лице миролюбца, отсюда глубокие вздохи среди самых шумных увеселений, отсюда жалобы и ропот на свою жизнь, когда, по-видимому, ничего недостает к ее блаженству, отсюда тайное завидование состоянию людей бедных, но добродетельных, отсюда наконец мгновенные переходы некоторых миролюбцев к покаянию, так что они, бросив все, убегают навсегда от мира в пустыни.

И других высших и чистых радостей человеческих грешник не может иметь, доколе остается во власти беззакония. Так, все возвышенные радости духа ему неизвестны: неведомо ему услаждение от молитвенного собеседования с Богом, неведома сладость упования жизни вечной, или страдания за правду, неизвестно духовное веселие от присутствия в храме, от чтения слова Божия, от принятия таинств христианских, неизвестна святая теплота сердца от общения с братьями во Христе и деле милосердия, неизвестен даже светлый и утешительный взгляд на природу, как на дело рук Божиих, на откровение славы и премудрости Божественной.

Все это для грешника потеряно, и не только потеряно, а обращается в источник скуки, в тяжесть душевную, так что это самое, например чтение слова Божия, или присутствие во храме, ему можно назначить в наказание. Грех до того превращает сердце человека, что все отзывающееся верой и добродетелью, ему отвратительно и противно. Обратимся ли за сим к другим радостям душевным, коими пользовались и дорожили даже лучшие из язычников, и их не найдем у грешника. Так, удовольствий, проистекающих от самопознания и самоусовершенствования нравственного, у грешника нет: его стихия — жить в самозабвении и нерадеть о себе. Радости от совершенного, бескорыстного дружества у грешника нет, ибо какое дружество у того, кто дышит самолюбием? Радости чистой семейной жизни у грешника нет, он, большей частью, или убегает от семейного состояния, как уз, или бывает самым худым отцом семейства, самым непокорным сыном, самым холодным и неприступным родственником.

Все сии радости так недостижимы для греха, что он не может даже обещать их своим любимцам, и не обещает: что же делает? Старается представить их или невозможными, или нестоящими труда, и взамен сего выставляет единственно важными те, кои в состоянии доставить им. Что же он может доставить? То, что происходит от похоти плоти, похоти очес и гордости житейской, то, что когда-то захотел испытать во всей силе еще Соломон, но несмотря на то, что у царя было множество средств продолжать и разнообразить чувственные удовольствия, принужден был сознаться, что все им испытанное есть «суета сует», и производит не услаждение, а истощение «и крушение духа» ([Еккл.1:2](#)).

Пойдем однако же мыслью за грешником, хотя по главным путям его радостей, и посмотрим, из чего состоят они. Вот он влечется по стогнам на великолепной колеснице и радуется: чему? Что его прислуга одета в золото, что бессловесные, его везущие, самой лучшей породы и высокой цены, что пред ним невольно расступаются толпы народа, что он может с гордостью взирать на все встречающееся, большей частью без всякой причины, из одного края в другой, являться там, быть здесь, то видеть, от того уйти, много начать, ничего не окончить, везде оставить следы своего величания и своей пустоты. Это ли радость и веселье? Вот другой грешник: он сидит в заветной храмине и считает сребренники, смотрит на кучи бездушного металла и радуется: чему? Что у него «стяжания на лета» долга, что он может, если захочет, купить имение, построить дом, завести у себя то или другое. Но захочет ли? Нет, его удовольствие считать и хранить, а не употреблять, он не господин, а раб своих сокровищ, чтобы увеличивать их, он обращается ко всем средствам, отказывает самому себе даже в необходимом, среди богатства терпит нищету, мучится и страдает, доколе смерть не исторгнет из рук его всего, что имел, и на что истратил безумно всю жизнь. Это ли радость и блаженство? Вот еще грешник: он идет противоположным путем и все обращает в свое удовольствие, дом его приукрашен и отверст для всех миролюбцев, трапеза исполнена снедями, вокруг его пение и лики: но состояние его уже истощено, а здоровье еще прежде истощилось от невоздержания, он сам чувствует, что в чаше земных наслаждений остается для него мало капель, и силится заглушить сие чувство новыми видами невоздержания. Это ли радость?

Но мы взяли грешников со всеми удобствами ко греху, а много ли таковых? Большая часть находится в жалкой необходимости алкать непрестанно греховных наслаждений, и не имеет возможности удовлетворить нечистым пожеланиям. Что же делает сия жалкая толпа? Бросается на всякого рода наслаждения, предается всем видам порока, только бы не пропасть, так сказать, с голода душевного. Вообще с людьми, предавшимися порочной жизни, происходит то же, что бывает с человеком от укушения тарантулом. О таковых говорят, что они тотчас чувствуют непреодолимое побуждение к телесному движению, начинают скакать и кружиться, так что, смотря на них, можно подумать, якобы они находятся в состоянии необыкновенного веселья, между тем они страдают ужасным образом, и нередко умирают среди этой жалкой пляски.

Таково положение и у грешника: укушенный грехом, проникнутый его ядом змеиным, он получает непреодолимую склонность к рассеянию и утехам чувственным, непрестанно движется по направлению господствующей страсти, скачет от наслаждения к наслаждению, представляет лицо человека упоенного счастьем, а между тем внутри мучится и страдает. Скоро начинает страдать и во вне: ибо одна из первых принадлежностей греха и страстей — необузданность в наслаждениях, а при сем быстро истощаются силы духа и тела. С другой стороны, из самых греховных удовольствий неминуемо возникает множество огорчений и досад, широкий путь греха, казавшийся покрытым одними цветами, делается от часу теснее и неудобнее, цветы исчезают, уступая место тернам, и грешник видит себя наконец в бездне, ископанной для него собственными грехами. В самом деле, много ли из миролюбцев и долго ли наслаждаются даже здоровьем, сим необходимым условием счастья земного, за коим они гоняются? Большая часть умирает преждевременно, и если не внезапно, то после продолжительных и тяжких страданий. Если некоторые и достигают преклонных лет, то не потому, что предавались пороку, а потому, что не предавались ему всецело, что не забывали правил воздержания, то есть, не оставляли вовсе добродетели. Остаток добра спасает их от разрушительной силы греха. За то сей же грех в таком случае находит большею частью другое средство брать жестокою дань за немногие капли мутной радости. Невоздержание и расточительность, столь неразлучные с пороком, в непродолжительном времени истощают у грешника средства к удовлетворению своих преступных желаний. Из роскошного богача он нередко делается нищим, над коим со всею точностью повторяется Евангельская история блудного сына, кто располагал прежде миллионами для удовлетворения своих прихотей, принужден бывает прилепиться к какому-либо жителю страны, и почитать за милость, когда ему позволяют иметь кусок насущного хлеба. И сколько этих несчастных! А если к нищете присоединится еще болезнь, как это нередко бывает: тогда миролюбец вживе начинает терпеть то, чем слово Божие угрожает нераскаянным грешникам за гробом. В таких случаях, если не приспешет на помощь особенная благодать Божия, редко не доходит до отчаяния и самоубийства.

Судите после сего сами, братие, справедливо ли говорит слово Божие, что несть радоватися нечестивым? Истинно, нет грешника, который бы по окончании своего греховного поприща, не сказал с Ионафаном: «вкушая вкусих мало меда... и се аз умираю» ([1Цар.14:43](#)).

Страдают и праведники: само слово Божие, отъемлющее решительно истинную радость у нечестивых, говорит, что «многи скорби праведным». Но какого рода эти скорби? Они все похожи на благотворные горькие лекарства, кои приемлет больной, по предписанию искусного врача, для исцеления себя от смертоносной болезни: горечь их постоянно сопровождается сладким чувством выздоровления, со дня на день они чувствуют себя лучше и крепче в душе своей и совести, а это вознаграждает для них все прискорбия. К людям добродетельным со всею верностью можно отнести то, что заметил над собою св. Павел: «яко скорбяще, присноже радующеся» ([2Кор.6:10](#)), о людях же грешных со всею силою должно сказать противное: всегда, по-видимому, радующеся, присно же скорбяще. Аминь.

Слово о том, что грех есть главною и первоначальною причиною всех болезней человека и его смертности

«Оброцы греха смерть» ([Рим.6:23](#))

Как бы много уменьшилось греха в мире, если бы сии слова Апостола Христова нашли себе полную веру у каждого из нас! Ибо чего наиболее страшимся мы? Смерти. При всей привязанности человека к чему-либо, скажите, что в этом самом, к чему он так привязан, заключается его смерть, и он тотчас оставит любимую вещь, постарается удалить ее от себя и уничтожить. Посему, если б мы были уверены, что в грехе смерть, то страх смерти обратился бы в страх ко греху, и мы, при всей склонности грешить, убежали бы от греха так же, как убегаем теперь смерти. Но, к несчастью нашему, мы не видим связи греха с смертию, думаем, что можно грешить и не умереть, как равно надобно умереть когда-либо, хотя бы и не грешили. Такой образ мыслей погубил нас еще в раю: ибо прародительница наша не прежде решилась простереть руку к плоду запрещенному, как лукавый змий уверил ее, что от вкушения его смерти не последует: «не смертию умрете!» ([Быт.3:4](#)). Сей же образ мыслей губит нас теперь. Откуда он? По-видимому из опыта.

Мы не видим на опыте, чтобы за грехом следовала смерть, равно не видим, чтобы без греха не следовало со временем смерти же. Грешники продолжают жить, иногда и долго, добродетельные, напротив, продолжают умирать, — иногда и преждевременно. После сего и лукавая и склонная ко греху природа наша тотчас приходит к мысли, что между грехом и смертию нет необходимой связи, а если когда и бывает, то разве слабая и отдаленная. Таким образом, самые ясные свидетельства Пророков и Апостолов о том, что болезни и смерть суть плод греха, остаются над нами без всякого действия.

Надобно посему сорвать и сию личину с греха, и показав его непосредственное сродство с болезнями и смертию, дабы таким образом страх смерти обратился в спасительный страх греха, который есть единственный ее первоначальный родитель.

Что мы сделаем для сего? Вникнем, во-первых, в то самое, чем наиболее в сем случае обольщается бедный грешник, то есть, в мнимую возможность грешить и оставаться в живых. Следовательно, говорит грех, меня напрасно обвиняют в смерти, я не убиваю, как показывает опыт, никого. Так, будем отвечать мы, ты, исчадие дьявола, не убиваешь, по-видимому, никого, потому что ты уже давно убил на самом деле всех, так что теперь некого более убивать. В самом деле, братие мои, какими рождаемся мы на свет? Все рождаемся, как учит Писание, уже умерщвленными грехом. Ни в ком из нас нет той святой и блаженной жизни, коей наслаждался человек вначале и какая прилична всем нам, яко созданным по образцу Бога всеблагого и всеблаженного. Жизнь сия потеряна в раю вместе с невинностью. Настоящая же жизнь наша есть только жалкий ее остаток, есть не столько жизнь, сколько постоянное умирание. Если бы нам дано было хотя на один день пожить одной первобытной блаженной жизнью, коей жили до падения наши Прародители, тогда бы мы увидели вполне, можно ли грешить и не умереть, ибо со грехом тотчас бы лишились оной жизни и подверглись смерти. После сего не большая милость греха, что он, отняв однажды и навсегда у нас в раю истинную жизнь, не отъемлет теперь у нас вдруг всего остатка ее.

Впрочем, откуда и сия милость? От природной ли снисходительности греха к своей жертве? Нисколько, а оттого, что губительная сила греха обуздана теперь невидимыми узами милосердия Божественного. Если бы греху попущено было, следуя своей природе, обнаруживать над человеком всю смертоносную силу свою, то грешник и теперь вдруг поражался бы за каждый свой грех, как громом, смертию. Но в таком случае не было бы места покаянию,

грешник погибал бы безвозвратно, как погибли души падшие, убитые грехом вдруг на всю вечность. Посему милосердие Божие, нашед в безднах премудрости своей средство искупить род человеческий от грехов, и след. смерти, изобрело вместе с сим способ, не отнимая у греха смертоносной силы, приостановить ее действие, рассрочить, так сказать, принадлежащий греху оброк смерти, дабы мы, платя его не вдруг, и наученные тяжестью сего оброка, обратились всем существом своим к добродетели и жизни вечной, из нее естественно проистекающей, пользуясь остатком жизни, имели время показать искренность своего обращения и исцелиться, благодатью Божиею, от язв греховных.

По силе сего-то премилосердного помысла о нас, Праотцы наши и по падении своем жили вне рая остатком райской жизни еще несколько сот лет, хотя истинную первобытную жизнь потеряли тотчас по вкушении от плода запрещенного, как то показывает ощущение ими неведомой прежде того наготы, страх от присутствия Божия и покушение скрыться в тени древ райских. Подобно сему и мы, потомки их, не смотря на увеличение, с продолжением времени, грехов в роде человеческом и происходящее оттуда увеличение владычества смерти, продолжаем жить остатком той же первобытной жизни еще по несколько десятков лет. Это не греха снисхождение, а следствие милосердия Божия. Посему вместо того, чтобы обольщаться сей мнимой снисходительностью и бессилием греха убивать нас, мы должны дорожить каждой минутой отсрочки и стараться врачевать себя от яда греховного, пока он не соделался неисцельным.

Ибо, посмотрите, как грех и теперь сам по себе, где можно, сразу добивает безжалостно в человеке весь остаток жизни временной. Так например, не умирают ли и ныне в одну минуту от сильного гнева? Даже некоторые невинные чувства, коль скоро выходят за пределы и след. принимают вид и свойство греха, делаются смертоносными, например, чрезмерная радость и смех! Здесь опять смерть и грех вместе, — и какой грех? Можно сказать только тень его, но и та убивает.

Случаев столь разительных не много, но будем ли жалеть, что их не много? Ибо, что было бы с нами, если бы их было много? Это действие, как заметили мы, милосердия Божия, оставляющего место покаянию для грешника. Впрочем, если другие и не умерщвляют нас каждый раз, подобно гневу, до смерти, то всегда отъемлют часть нашей жизни, так что если бы при конце ее свести верный и точный счет, то оказалось бы, что вся она разобрана по частям грехами и страстями: это погибло от любожестия, другое от зависти, иное от высокомерия, это от скупости и т.д.

В сем отношении опять при всей тьме и беспорядке, производимых грехами в существе нашем, видны неизгладимые следы премудрого и милосердного распоряжения о нас, клонящегося всецело к нашему вразумлению. Ибо присмотритесь к жизни человеческой пристальнее, и вы увидите, что вслед за некоторыми грехами пущены прямо, со всей силой, болезни, им свойственные, дабы страх недуга и страданий умерял, если не истреблял, склонность ко всем грехам, а от некоторых грехов болезни и разрушение телесное отдалены на значительное расстояние, дабы не связать совершенно нашей свободы и не отнять чрез то всей цены у нашей добродетели. И с какими грехами пущены под руку болезни? С теми именно, к коим особенно склонна чувственная природа наша, — с грехами сладожестия и похоти. Кто не содрогнется, смотря на ужасное извращение благолепия телесного, производимого сими грехами! Кто не возблагодарит в сем случае пред тайным и вместе очевидным распоряжением правосудия небесного!

Впрочем и все другие грехи, как ни удалены от чувственности, никогда не теряют своего природного свойства губить здоровье и сокращать жизнь человека. Что невещественнее зависти? Страсть сия состоит из внутренней душевной скорби о благе ближнего. Но поелику сия

скорбь есть грех, то посмотрите, что она делает из человека завистливого? Свинцового истукана. Эта бледность всего лица, эта сокращенность всех черт его, этот могильный оттенок очей и уст, что другое показывает, как не то, что сия страсть превращает весь порядок сил телесных, что кровь устремлена противоестественно от окружности к средоточию, что она скопилась у сердца и давит его, как камень гробовой. Возьмем другой порок — уныние. Что, по-видимому, чище его и невиннее? Унылый никого не обижает, но поелику это порок, — состояние неестественное природе человеческой, то в то же время, как уныние овладевает душой, весь телесный состав человека подвергается страданию. Унылый видимо сохнет, тает, теряет ко всему охоту и способность и клонится ко гробу. Так грех на всех ступенях своих ведет за собою неминуемо слабость сил, болезни и смерть!

К усилению сих опытных и общепонятных замечаний и истин, мы могли бы привести из летописей науки врачебной множество случаев, подтверждающих то же самое, и еще большее, могли бы показать, как скопище болезней вообще направляется не только вслед, но и по виду полчища пороков (почему и самая наука врачевания телесного не только в общем основании, но и в частных чертах сходится с наукою врачевания духовного), могли бы выставить на вид, как не только каждое отделение грехов, но и каждый грех имеет собственную, ему принадлежащую болезнь, как страсти и пороки внедряют недуги на целые веки в целые фамилии, как в целых народах народные пороки и болезни нравственные образуют народные недуги, им соответствующие, как в некоторых случаях господствующая страсть известным частям тела сообщает даже свой вид, например, от сильного сребролюбия самое сердце сребролюбца принимает вид, похожий на металл. Но подобные рассуждения заставили бы нас выйти из пределов простого пастырского собеседования. Предоставим сей полезный труд любителям науки, которая никогда не достигнет так близко своей цели и не окажет такой услуги человечеству, как обратив познания и открытия свои на вразумление человека в ядотворность для него греха и в благотворность влияния на все существо его — добродетели.

Обратимся к решению другого сомнения. Мы видели, почему не умирают тотчас, как бы следовало, грешники: — потому что мы все уже умерли еще в раю для первобытной истинной человеческой жизни, потому что милосердие Божие особенным распоряжением защитило в нас некий остаток сей жизни, дабы дать нам всем место и время для покаяния. Посмотрим теперь, почему умирают и праведники, тогда как им надлежало бы вовсе, по-видимому, быть свободными от смерти, коль скоро она есть плод греха. Ибо и это — смерть праведников также может смущать и вселять мысль, якобы смерть не от греха, а есть природный удел тела человеческого.

Не поступим несправедливо, если скажем, что и в праведниках смерть есть следствие греха. Ибо где найти праведника совершенно безгрешного? Таков был только один праведник в роде человеческом, Тот, Который совершенно умертвил смерть своею смертью, Господь и Спаситель наш, Иисус Христос. Все прочие праведники, как бы ни были совершенны, причастны греху, а потому и смерти, как следствию греха. Так заставляют мыслить и говорить нас самые праведники: ибо все они признавали себя людьми грешными. А, впрочем, если бы и нашелся на земле, между людьми, праведник совершенный, то наградой ли бы для него было теперь не подлежать смерти? Напротив, свобода от смерти телесной была бы наградой тогда, если бы праведники жили на земле совершенной жизнью, которой жил первый человек в раю, потеря такой жизни точно составила бы лишение и наказание. Но теперь и праведники, вследствие первобытного ниспадения рода человеческого в бездну греха и тления, не имеют жизни Едемской, живут, по отношению к телесному бытию, подобно всем прочим людям, только единым остатком сей жизни. Остаться навсегда в сем положении было бы не наградой, а наказанием. Посему в праведниках надобно дивиться не тому, что они умирают наконец

подобно всем людям, а более тому, что они не умирают скорее других. Ибо чрез смерть они разрешаются навсегда от уз бренности телесной, которая им, яко воскресшим уже в духе, яко начавшим жить новой небесной жизнью, неприлична. Что, говоря таким образом, мы утверждаем самую сущую истину, доказательством тому чувства, слова и поступки людей праведных. Посмотрите, например, чего наиболее желает Апостол Павел? Он желает «разрешится», то есть быть освобожденным от уз плоти, «... со Христом бытии» ([Фил.1:23](#)). Почему желает сего? Потому, как говорил он, что это гораздо лучше для него, нежели оставаться на земле. Почему же не разрешается и продолжает оставаться в живых? Потому только, что это нужнее и полезнее для учеников его, для Церкви Христовой. Значит, если он продолжал жить, то это было для него не благом каким-либо, а лишением, не наградой, а подвигом и жертвой для спасения своих ближних.

С какой стороны таким образом ни смотреть на смерть, она во всех отношениях оказывается следствием греха. Престанем же, возлюбленные, обольщаться грехом. Мы все крайне боимся смерти, начнем лучше бояться греха, ибо что в смерти есть страшного, все это от греха. Без греха — смерть вождедена, ибо она уничтожает все следствия наших душевных нечистот и возвращает нам жизнь первобытную. Когда древний человекоубийца начнет обольщать нас (ибо он и теперь продолжает делать то же, что делал в раю) и говорить: «не смертию умрете», — скажем ему так: что пользы, что теперь мы, после нашего нового падения, не лишимся остатка этой бедной жизни телесной, когда по злобе и лукавству твоему, мы лишились навсегда блаженной жизни эдемской? Если теперь не умрем до времени, то это не твоя милость (ты убил бы нас и теперь, как погубил наших прародителей), а следствие милосердия Божественного, драгоценный плод искупления нас от греха и смерти крестом Спасителя нашего. Довольно для тебя, человекоубийца, что ты лишил всех нас, чрез грех и преслушание, жизни едемской: а остаток настоящей жизни мы употребим на то, на что он дан нам милосердием Господа нашего, на очищение и уврачевание себя чрез покаяние и веру от всех грехов, на всеконечное удаление себя не только от дел, но и от помыслов неправых, на сокрушение, благодатию Божиею, самой главы твоей змииной. Аминь.

Слово о том, что грех неминуемо подвергает человека мучительному владычеству дьявола

«Творяй грех от диавола есть: яко исперва диавол согрешает» ([1Ин.3:8](#))

Быть от дьявола, состоять в тесной связи с ним, врагом Бога и человеков, подлежать его адскому влиянию, это такое злополучное состояние, о коем нельзя и помыслить без трепета. Но грешник, как учит слово Божие, неминуемо находится в сем злополучном состоянии: «творяй грех от диавола есть!» Почему так? Потому, отвечает Апостол, «яко исперва диавол согрешает», то есть потому, что первоначальный источник всякого греха в мире, как мы видели в прежних собеседованиях наших, находится в дьяволе: он первый отступил от закона и воли Божией и внес грех во вселенную, он перелил из себя яд греха в душу неосторожных прародителей наших, и в лице их заразил беззаконием весь род человеческий, он же и теперь употребляет все средства к тому, чтобы сей яд греха, уничтожаемый благодатью искупления, оставался во всей силе в душе каждого человека и производил над всем пагубное действие свое. Как всякое добро от Бога и есть собственность Божия, так что когда обращаешься к добру, вместе с тем обращаешься к Богу, его Источнику и Владыке, так всякое зло и грех от дьявола, и составляет его несчастную собственность, так что, обращаясь ко греху, вместе с тем обращаемся всем существом своим к самому источнику греха — дьяволу, и подпадаем его темному влиянию. «Творяй грех от диавола есть, яко сперва диавол согрешает».

Во-вторых, грех предаёт человека во власть дьявол тем, что настраивает существо его дьявольски. Как человек добродетельный посредством благой жизни восприимлет на себя все черты образа Божия, соделывается богоподобным, вследствие сего привлекает к себе благодать Божию и становится обителью Духа Святаго: так грешник нераскаянный, посредством нечистой жизни и злых нравов, приемлет на себя образ дьявольский, становится подобным ему в ненависти к истине и добродетели, привлекает к себе нечистыми похотями злых духов и обращается в жилище для них.

Велика ли зависимость бедного грешника от дьявола? Судите сами по тем выражениям, кои употребляет для означения сей зависимости слово Божие. И, во-первых, оно называет грешника сыном дьявола в смысле подобном тому, как праведник называется сыном Божиим. «Вы, — говорит Сам Спаситель нераскаянным Иудеям, — отца вашего диавола есте, и похоти отца вашего хотите творити» ([Ин.8:44](#)). Может ли быть глубже и существеннее связи сына с отцом? Такова же и связь грешника с дьяволом. Сын получает от отца самое бытие свое: и грешник обязан, как грешник, греховным бытием своим дьяволу. От отца большей частью переходят на сына все природные качества: и грешнику сообщаются постепенно все качества злого духа. От отцов дети получают воспитание: и дух тьмы не дремлет в усовершенствовании грешников на всякое зло. Но многие из отцов земных не умеют удержать детей своих в долгой зависимости: а отец тьмы во всей силе знает, как воспитывать чад своих, чтобы они во всем походили на него и никогда не выступали из богопротивной его воли.

Далее, св. Апостол Павел называет грешника «живо уловленным от диавола в свою его волю», и заповедует верующим молить о таковом, «еда како даст ему Бог покаяние в разуме истины, и возникнет от дьявольские сети» ([2Тим.2:25—26](#)). Опять сравнение весьма сильное: ибо каково птице, попавшейся в сеть? Она вся в руках ловца: так и грешник находится во власти дьявола. Но птица, попавшись в сеть, видит обыкновенно свою беду, начинает тотчас биться и силится прорвать сеть: а бедный грешник редко примечает свой несчастный плен, радуется сети соблазна, в которую пойман, даже, когда она сама прорывается, то старается укрепить ее и снова сам налагает на себя.

Еще Сам Спаситель, при одном случае, заметил Иудеям, что грешник, по причине нераскаянности своей, до того подвергается влиянию злого духа, что сей последний обитает в нем, как в своем доме, и не только сам обитает, но и приводит за собою для обитания иных лютейших духов ([Мф.12:43—45](#)). Теперь представьте, чего не может сделать хозяин со своим домом? Все что угодно: хочет — переделает, хочет — разломает, хочет — сожжет: так поступает и дьявол с душой грешной, с ее мыслями, чувствами и действиями, поколику попускает ему то сила Божия, его связующая.

Довольно и тех трех свидетельств, чтобы видеть и понять, в какой ужасной зависимости от дьявола находится душа грешная.

Почему же, — вопрос при сем, — грешник, находясь в таком ужасном плену, не чувствует своего несчастья: ибо если б чувствовал, то не замедлил бы освободиться от него, имея на то всю возможность? — Но, братие мои, как бы бедный грешник чувствовал этот плен, когда не может? И как бы он мог, когда собственная его душа настроена грехом по-дьявольски? Чтобы чувствовать в себе присутствие духа тьмы, надобно самому быть светлым, а грешник — сам тьма. На чистом, белом платье и малое пятно тотчас приметно, а платье черное не дает заметить на себе самых больших пятен. В душе светлой и чистой одна какая-либо мысль, вброшенная от дьявола, тотчас производит смущение, тяжесть и боль сердечную, а в душе грешника — темной и оскверненной, и самое присутствие его неприметно. Такой неприметности помогает сам дух злобы всеми силами: ибо что ему за выгода быть приметным? Давать ощущать себя прямо? Это значило бы заставить бежать от себя. И вот он, тирански властвуя над грешником, в то же время старается держать его в том оболъщении, якобы он действует сам по себе, и во всем совершенно свободен. Для большего успеха в сем, дух злобы нередко внушает грешнику неверие в самое бытие злых духов, заставляет отрицать свидетельства о том самого слова Божия, смеяться над теми, кои утверждают противное. Это одна из самых любимых козней духа злобы, которую он с чрезвычайным успехом употребляет особенно в наши времена, наклонные к сомнению и неверию. Мало сего: враг Бога и человеков, для упрочения своего владычества над бедным грешником, по свидетельству Апостола, решается иногда на самое отважное средство, а именно забывает как бы свою злую природу, приемлет на себя вид «Ангела света» ([2Кор.11:14](#)), внушая самые благие, по-видимому, мысли, понуждая к совершению некоторых добрых дел, вводя в разумение различия истин и тайн, и все это для того, чтобы, усыпив человека лжеупованием на свою мнимую доброту, спасти в нем для себя какую-либо господствующую страсть, которая одна в состоянии погубить грешника.

Как однако же ни старается дух злобы сокрыть присутствие свое в человеке грешнике, не может достигнуть сего всегда и вполне, ибо завеса природы человеческой, при всей грубости и земляности плоти, в самом очерненном ее виде — все еще слишком прозрачна для тьмы адской. Сила зла, обыкновенно кроющаяся в глубине души, так иногда быстро выступает наружу в грешнике, образ дьявола так резко проглядывает из-под благовидной личины, которую обыкновенно стараются носить миролюбцы, что все, смотря на такого человека, не знают, что думать о нем, самые ближние родственники готовы бежать от него и с ужасом говорят: в нем злой дух! Это не человек, а дьявол. Сам несчастный грешник, несмотря на привычку ко всему злему и дьявольскому, по временам чувствует, что он находится как бы в бездне и в каких-то цепях, что внутри его есть кто-то и еще стократ злее и чернее его, что он состоит под влиянием невидимой и богопротивной силы. Отсюда тяжкие и ужасающие вздохи и выражения у грешников: я человек погибший! Меня влечет на грех нечистая сила! За мною ходит злой дух! Лучше бы мне не родиться!

Чем обыкновенно обнаруживается власть дьявола над грешником? Тем, что он поспешно погашает и задушает в нем все доброе, начиная от первых понятий ума о Боге и законе, до

последних угрызений совести, тем, что он постепенно переливает из себя в грешника все злое и богопротивное, начиная с нечистых мыслей и желаний до самых ужасных преступлений. Переходя от одного греха к другому, из разврата в разврат, от нечувствия и ожесточения к большему нечувствию и окаменению, грешник наконец созревает в зле до того, что чувствует прямое и постоянное отвращение ко всякому добру, неудержимое стремление ко всякому злу, явно презирает все святое, глумится безумно над собственной душой и совестью, готов на открытую брань с Самим Творцом. Далее не может вести человека сам дьявол!

Нетрудно провидеть, какой должен быть конец сего ужасного союза грешника с духом тьмы: большей частью смерть преждевременная, нередко самоубийство. Ибо как ни приятно духу злобы продолжать господствовать над грешником в сей жизни, как ни выгодно ему усовершенствовать своего пленника более и более во зле, и распространять чрез него на других соблазн и яд греха: но все радости о сем возмущаются опасением, что грешник, доколе жив, чрез покаяние, при помощи всемогущей благодати Божией, может разорвать все узы страстей, урочевать кровию Искупителя все язвы души своей, обратиться к закону и таким образом ускользнуть навсегда из челюстей ада. Посему враг спасения изыскивает все способы сократить путь к аду для грешника и пресечь как можно скорее его жизнь, в чему грешник одним своим невоздержанием предоставляет ему множество случаев. Верх торжества дьявольского бывает, когда искушитель расположит самого грешника поднять на себя руки, и таким образом прямо предать себя аду. Для достижения сего дух тьмы, как показывает опыт, решается даже на несвойственные, по-видимому, для него меры, побуждает в грешнике давно уснувшую совесть, заставляет ее вопиять и терзать его душу, помогает ей представлять всю неумытность суда Божия, всю неизвинительность содеянных грехов, всю невозможность истинного обращения и помилования, дабы чрез все это, повергнув грешника в конечное отчаяние, отважить его на самовольное прекращение своего земного бытия. Так именно поступил дьявол с злополучным предателем Христовым!

Знаем, братие мои, что, говоря пред вами, таким образом, мы заранее подвергаем себя нареканию от стихийной мудрости. Но что нам, и сей мудрости? Погибавший во грехе мир спасен не мудростью человеческой, а буйством проповеди крестной, которая впрочем только «для погибающих юродство есть, спасаемым же сила Божия» ([1Кор.1:18](#)). Если бы впрочем сия мудрость, хотя на время, престала быть стихийной, и взошла сама, хотя из любопытства, на свойственную духу человеческому высоту зрения, — то, может быть, сама увидела бы живых деятелей, там, где теперь находят одну мертвую плоть. И говоря прямо, кому бы, как не сей лжеименной мудрости, надлежало ведать со всей точностью происхождение из ада всего зла, под тяжестью коего стенает род человеческий? Ибо св. Писание ее самую, без сомнения, по ее происхождению и свойствам, называет «бесовскою» ([Иак.3:15](#)). Что мешает совопросникам века сего, верующим токмо в одни свои чувства, явиться для наблюдения к подножию нетленных телес Св. Угодников Божиих? Там собственными очами увидели бы они, как силы ада, сретившись лицом к лицу с силами неба, не могут вынести присутствия последних и обнаруживают себя самым очевидным и жалким образом, как признаются в своей злой природе, в своей нечистоте и вине, подобно мучимым преступникам, как смиренно обещаются сделать то, чего требуют от них во имя Распятого, и как, гонимые силою креста, убегают и исчезают безвозвратно. Если бы сей опыт показался почему-либо неудобоисполнимым, пусть обратятся от служителей алтаря хотя к служителям нашего здравия телесного, — и те из них, кои не делали из своей почтенной науки бездушного ремесла, кои не проходили без внимания поучительных явлений в природе человеческой, среди ее болезненных состояний, скажут необинуясь, что в ряду болезней человеческих есть ужасный вид недугов телесно-духовных, кои ничем нельзя изъяснить удовлетворительно, кроме присутствия в человеке злого духа.

А мы, братие мои, из всего сказанного нами извлечем, в простоте веры, спасительный урок — хранить себя благодатью Божией от греха между прочим и потому, что он неминуемо предаёт человека во владычество дьявола, который, по слову Писания, «яко лев рыкая ходит, иский кого поглотити» ([1Пет.5:8](#)). Ибо если худо быть в устах льва, то стократ хуже быть в устах дьявола, — от чего да сохранит нас всех Господь Своею всемогущею благодатью! Аминь.

Слово о лютой кончине, ожидающей грешника

«Смерть грешников люта» ([Пс.33:22](#))

Коль скоро неизбежно для каждого человека — оставить этот мир и перейти в другой, высший, то для каждого должно быть крайне желательно, чтобы переход в другой мир, называемый смертью, совершился как можно мирнее и безболезненнее. Тихая и непостыдная кончина есть такое благо, для достижения коего можно отказаться от многих удовольствий в жизни уже потому, что это будет благо последнее в жизни, — в те минуты, когда всего нужнее мир и отрада. Но тот, кто работает греху и служит страстям, должен знать заранее, что если он не исправится, то сие благо для него потеряно, что под конец жизни, при разлуке души с телом, его ожидает не покой и наслаждение, а скорбь и мука. «Смерть грешников люта», — говорит слово Божие.

От чего зависит это? Неудивительно, если и от особенного предрасположения правды Божией, которая, предоставив грешнику полную свободу — ходить в продолжение жизни по стропотным путям нечестия и соблазна, берет в свое непосредственное заведование конец ее, и, по всемогуществу своему, всегда устрояет его так, что за жизнью нечистой и незаконной следует лютая и мучительная кончина. Ибо ужели к действию Провидения Божия не отнести непосредственного управления и теми событиями нашей жизни, кои не зависят от нашего произвола, каковы суть начало и конец жизни? С другой стороны, кто не согласится с древним мудрецом, что «удобно есть пред Богом в день смерти воздати человеку по делам его?» ([Сир.11:26](#)).

Впрочем, братие мои, жизнь, проводимая во грехе и нечестии, по самому существу своему такова, что за ней, как удары молнии и грома за тучей, не может не следовать кончина лютая и болезненная. Почему? Потому, во-первых, что невоздержание и необузданность нрава и привычек в людях, волнуемых страстями, по самому обыкновенному порядку вещей, весьма часто подвергают их опасностям и бедственным приключениям, вследствие коих они или умирают преждевременно наглым и ужасным образом, или, лишенные сил и здоровья, приковываются надолго к одру болезней и сходят во гроб после продолжительных и тяжелых страданий. В сем отношении порок и разврат свирепее самой войны, так что никакое орудие неприятельское не может сравниться с их ядовитым жалом.

При недостатке подобных смертоносных приключений, порок предуготовляет грешнику под конец жизни горькую чашу страданий тем, что заранее расстраивает его тело и соделывает его седалищем болезней мучительных. Спросите, если угодно, о сем врачей, и они представят вам на сие множество разительных примеров. Вообще предсмертные недуги людей добродетельных и порочных имеют весьма различный характер: в первых они подобны сильным, но попутным ветрам, при коих душа умирающая, расправив ветрила, быстро, но без шума и потрясений, уносится из пристани, а в последних, то есть грешниках, предсмертные болезни являются наподобие осенних бурь, кои все крушат, срывают насильственно корабль с якоря и уносят в волнующуюся пучину, на явную погибель.

И с чего действительно, как не с опыта взято обыкновение — кончину людей праведных называть успением или преставлением, а о великих грешниках говорить, что они не умирают, а извергают душу свою? Те, кои удостоились когда-либо присутствовать при кончине людей праведных, не могли не заметить, что они действительно не умирают, а как бы засыпают, или отходят с миром куда-то от нас. С грешниками, напротив, при кончине их происходит подобное тому, что бывает с несчастным младенцем, когда он от какого-либо потрясения неестественно извергается из утробы матерней.

И что удивительного, если разлучение души с телом в том и другом случае происходит столь различным образом? В человеке истинно добродетельном, еще в продолжение жизни, можно сказать, уже совершается разлучение души с телом, так что, чем более он живет на земле, тем более отрешается от своего тела, возносится духом в горня, приближается к миру Ангельскому, преставляется на небо. В таком случае для Ангела смерти нет нужды ни в каком усиленном действовании, иногда довольно одного легкого, так сказать, дуновения, дабы прервать тонкую нить, сопрягавшую бессмертное со смертным. Не то в грешнике: здесь душа бессмертная так опутана узами чувственности, небесное так перемешано с земным и плотским, что самая смерть не может вдруг разорвать всех уз, отделить без замедления нетленное от того, что должно сделаться добычею могилы и тления. Отсюда страдания и муки в умирающем.

Но сии страдания тела были бы еще не так страшны, если бы в самой душе была хотя бы капля покоя. Мы видим на мучениках Христовых, как самые ужасные мучения теряли свою лютость и силу оттого, что мучимые проникнуты были духом веры, вознесены благодатью превыше земли и своего тела. В умирающем грешнике, напротив, вместо веры и упования, господствует обыкновенно страх и отчаяние. Ибо люди нечестивые большею частью умирают, не приготовившись к смерти, даже вовсе не думав прежде о своем конце: посему бывают подобны человеку, который, идя по льду, вдруг обрушился в бездну. Куда не обращается такой человек, к чему не простирает рук, к кому не вопиет о помощи? Тоже и с грешником, он чувствует наконец, что обрушился в бездну, употребляет все средства, чтобы прогнать болезнь, отдалить свой конец, и когда видит, что все остается без успеха, то поражается ужасом, предается малодушию и отчаянию.

И как не ужасаться и не трепетать! Посмотрит ли умирающий грешник вспять на свою жизнь, — встречает необозримый ряд преступлений, из коих одно отвратительнее другого. Обратит ли взор на окружающее и настоящее, — видит, что все теперь и навсегда оставляет его, что пред ним один гроб и могила. Прострет ли мысль вперед, — там еще мрачнее и ужаснее. Надобно идти в страну неведомую, где живет одна истина и правда, коих в нем нет. Надобно явиться пред Судию, Который облечен всеведением и всемогуществом. Прежде сии мысли, если когда приходили, то не оказывали действия, были тотчас прогоняемы рассеянием, подавляемы забавами, обращались даже в предметы глумления безумного. Теперь не то — на пороге жизни нельзя не видеть всей пустоты и ничтожности благ земных и удовольствий плотских, на пороге вечности невозможно не предчувствовать суда и воздаяния, коими угрожают вера и совесть. И у грешника, как у прародителей в раю, открываются пред смертью очи: но что видят? Ангела смерти над главой своею, видят вечность с ее непреложным мздовоздаянием, видят невозможность ни остановить суда над собою, ни избегнуть его. Такое соединение страданий телесных с душевными редко не повергает умирающего грешника в совершенное отчаяние.

Благость Божия спасительная, неоставляющая человека до самых последних пределов его бытия земного, готова и в сем случае посетить грешника, и большей частью является у одра его с знаменiem искупления, и с чашею завета. Но, увы, сие утешительное явление редко успокоивает, а большею частью смущает и пугает грешника среди его предсмертных страданий. Почему? Потому что душа, окаменевшая во зле, не способна бывает воспринимать в себя каплю еля духовного. В самом деле, много ли людей, кои, проведши всю жизнь в грехах, могли бы в последние минуты вдруг обратиться совершенно и раскрыть всю душу и сердце свое для благодати покаяния, подобно покаявшемуся на кресте разбойнику? Ах, многие и на одре смертном остаются подобными другому разбойнику, который и на кресте продолжал свое ожесточение греховное. Посему святые и утешительные таинства Церкви, если и совершаются над умирающими миролюбцами, то большею частью не доставляют им ни отрады, ни успокоения душевного.

Чтобы иметь, сколько возможно, полное понятие о лютой кончине, ожидающей грешника, не забудем, братие мои, и тех ужасных видений, коими окружен бывает иногда одр смертный. Если бы кто захотел приписать их и одному воображению, то и в таком случае сии видения не потеряют своего ужаса и мучительности для умирающего, а явно останутся следствием нечистой жизни и совести, равно как и наказанием за них. Но, кто в состоянии отвергнуть и действительность сих адских страшилищ? Что удивительного, если пред кончиной, когда завеса, сокрывающая мир невидимый, приподнимается уже рукой смерти, грешник видит то, что незримо для всех прочих, окружающих одр его? И что предстанет в сии минуты грешнику из мира духовного, кроме духов злобы, коим подражал он своей злобой и лукавством, с коими давно вошел в невидимое, но тем не менее тесное содружество своей нечистотой, и кои теперь уже видимо являются для принятия земного клевета своего во всегдашнее сообщество свое, — во тьму кромешную? Если душа Лазаря, по свидетельству слова Божия, была несомна на лоно Авраама Ангелами, то и душе грешной по исходе из мира сего, подобает иметь сопровождение, ею заслуженное.

Не устрашать, яко детей, хотим мы вас, братие, сими напоминаниями, а остановить внимание ваше на предмете, достойном размышления. Страшен час разлуки души с телом! Грозны последние минуты жизни! Посему сама Св. Церковь в каждом молитвословии заставляяет нас умолять Владыку живота и смерти о кончине мирной и непостыдной. Но вотще будет сия молитва, если жизнь наша исполнена неправд и беззаконий. Ибо как праведник, по слову Божию, «аще постигнет скончаться, в покои будет», так «смерть грешников», по свидетельству того же слова, всегда была и будет «люта» и мучительна. Аминь.

Слово о том, что за грехом последует наконец для человека вечное мучение во аде вместе с духами отверженными

«Идите от мене проклятии во огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его» ([Мф.25:41](#))

Вот последняя награда за грех, последний венец дьявольский! Промучившись в разных видах от греха всю земную жизнь, пострадав от него по смерти до кончины мира, бедный грешник должен услышать наконец на всемирном суде новый ужасный приговор, и отойти «во огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его». Должен отойти! Ибо надобно же когда-либо добру взять во всей силе верх над злом, не вечно продолжаться борьбе неба с адом, а при окончательном торжестве царства света и любви над царством тьмы и злобы, что может ожидать грешника, кроме совершенного отлучения от Бога, коего закону он всегда противился, кроме совершенного сближения с духами отверженными, коих внушениям он всегда следовал, кроме совершенного ниспадшия в бездну лишений и страданий, кои неминуемо влечет за собою разврат и беззаконие?

Чтобы предотвратить для нас в сем отношении, всякое самообольщение, слово Божие со всей ясностью, на многих местах, предваряет нас о сей ужасной участи, ожидающей грешников после суда всемирного, так что между всеми догматами веры нашей нет более ясного, как догмат о будущем вечном мучении грешных во аде.

Что это за мучение и в чем состоит оно? Чтобы приблизить предмет сей к нашему разумению, св. Писание употребляет для изображения мучения во аде разные подобию, заимствуя их оттого, что в нашем нынешнем мире есть ужасного и мучительного. И, во-первых, оно представляет состояние мучимых во аде под видом тьмы, самой непроницаемой, или «кромешной», давая сим знать, что во аде нисколько нет света, столь необходимого для жизни, столь отрадного для всего живущего. Во-вторых, Писание изображает состояние грешника во аде под видом непрерывного терзания червями: и «червь их не умирает» ([Мк.9:43—48](#)), показуя сим, что мучения адские всегда будут возобновляемы с новой силой и состоят в непрерывном мучительном терзании грешника. Но всего более и чаще адские мучения изображаются в слове Божиим под видом пребывания в огне, или «озере огненном» ([Апок.20:14](#)), так что ад и огонь вечный на языке Писания суть слова почти равнозначащие. Конечно это будет не нынешний огонь, ибо нынешний огонь сам, можно сказать, сторит в последний день мира, когда, по свидетельству св. Писания, самые наши «стихии сжигаемы разорятся» (2Петр.3:10). Но мы явно погрешили бы против истинного разумения слов Писания, если бы вздумали заключать из сего, что этот адский огонь, будучи тончее и духовнее нашего огня, потому самому будет слабее и сноснее: напротив, по самой своей тонкости и духовности он должен быть стократ яростнее и мучительнее, так что св. Отцы нисколько не преувеличивают дела, когда говорят, что наш нынешний огонь столь же слаб в сравнении с будущим адским, как огонь на картине слаб в сравнении с огнем действительным.

И сей-то пламень, уготованный вначале одному дьяволу и аггелам его, соделается наконец вечным наследием твоим, душа грешная! Будешь ли сомневаться в действительности сей угрозы! Пожалуй сомневайся: мы не можем теперь показать тебе тьмы кромешной и геенны. Но и врач, который говорит больному, что если он не воздержится от того или другого, то умрет скоро, также не может показать ему его смерти: однако же смерть приходит, когда не слушают предостережений и советов врача. Кто же лучше может знать наше будущее — врачи земные, или небесный? Но Врач небесный, ясно, как мы видели, говорит и предваряет, что, в случае нераскаянности нашей, нас ожидает геенна огненная. Благоразумно ли не верить словам и предостережению Того, Кто для оправдания слов Своих может, если бы то нужно было,

сотворить новую геенну?

Но уввы, погибающий во грехе собрат, геенны и ада не нужно творить вновь: они уже давно произведены грехом и заключаются в нем, как древо в семени. Присмотрись сам со вниманием к лицу врага и друга твоего, и ты увидишь, что он весь огненного свойства, что все явления греха сопровождаются уже и здесь пламенем адским, что он делает жгущим даже то, что должно бы радовать человека и услаждать. В самом деле, что, по самой природе, отраднее света совести? Но приходит грех, иссушает душу человека зноем страстей, делает из него сухое хворастие, — и свет сей обращается в огонь, совесть начинает жечь и мучить душу! До чего жечь? До того, что в самом деле, вследствие сего, происходит иногда смертельное воспаление.

Если за сим обратить внимание на существо страстей — сих наперсниц греха, кои его именем владеют и управляют душами грешными, то окажется, что они все суть свойства огненного. Мы невольно сознаем это, когда говорим, напр., огонь страстей, пламень честолюбия! Огонь сей теперь связан многими узами, посему и не так приметен обыкновенно: посмотрите однако же, как он выступает изнутри человека, волнуется, багровит лицо, приводит в клочотание всю кровь в минуты, напр, сильного гнева! В это время огонь сей так бывает яростен и силен, что иные не могут его перенести, и внезапно умирают как от удара молнии. Пламень других страстей менее яростен, всегда однако же проникает и с продолжением времени растлевает весь состав человека. И как видимо это, напр., на человеке любострастном, завистливом, или скупом!

Внутренний состав тела нашего, коему особенно угрожает будущее мучение во аде, также представляет в себе не только способность к воспламенению, но и неистощимый запас огня. Это видимо на теле каждого человека и в состоянии здоровом: ибо из каждой части тела посредством известных искусственных приемов, а иногда и без всякого искусства, можно извлекать множество искр. Но во время болезней это тайное сродство тела нашего с огнем обнаруживается еще более. Ибо какая болезнь не обнаруживается жаром? Некоторые явно состоят из какого-то мучительного горения всего тела, или больных частей его. Отсюда самые наименования сих болезней, напр., огневицы или антонова огня. Кроме сих повсемственных явлений, из некоторых, хотя и редких, случаев видно, что в теле человеческом есть способность воспламеняться каким-то особенным огнем, коему в нашем мире нет подобного в силе и разрушительности, и который невидимо напоминает собою огонь адский. Это случай так называемого самовозгорания, когда живой и даже не больной, но расстроенный в телесных силах человек, вдруг возгорается видимо и пожирается пламенем до того, что в самое короткое время, — иногда в несколько минут, — от человека не остается ничего, кроме нескольких горстей пепла. Что это, как не задаток огня адского! Теперешнее брренное тело, воспламенившись таким образом, тлеет и исчезает: но будущее тело — бессмертное, воспламенившись не может исчезнуть, будет гореть вечно. И вот геенна домашняя, самодельная и вместе неугасаемая!

Хотя ничего, по-видимому, нельзя придать к ужасу и мучительности такого состояния, но грех не удовлетворится и самим мучением. Обратив грешников в существа самогорящие, он же собственно произведет для них и огненный мир, или, как называет св. Писание, озеро огненное, дабы каковы обитатели, таково же было, так сказать, и помещение. Ибо нужно ли, братие мое, чтобы всемогущество Божие, само и положительно, творило эту огненную пропасть адскую? Эта бездна сама собою может возникнуть наконец из греха. Каким образом? Внемлите и познайте ужасное свойство греха. Нет никакого сомнения, что человек беззакониями своими портит и оядотворяет не только свое тело, но и все вещи, коими злоупотребляет, самые стихии его окружающие. Порча сия большей частью неприметна, но иногда так делается ощутительна, что заражает самый воздух, коим он дышал, от чего происходят повальные болезни и заразы.

Теперь представьте всю порчу стихий, произведенные грехами всех людей, сложите ее с порчей и ядом, коими заражают природу видимую духи отверженные, вообразите за сим, что в последний день мира и обновления всех вещей, испорченная и оядотворенная грехами часть сил природы отделяется от нового, чистого и светлого мира Божия: какое из сего составит скопище яда и тления! Какой океан огня и пламени! И вот стихия, в коей будут обитать духи и души отверженные! Ибо вокруг кого же сосредоточится ей, как не вокруг тех, кои своими грехами произвели ее?

Не без особенного намерения входим мы, братие, пред вами в подобные объяснения: нам желательно представить для веры некую опору в самом опыте, и отнять у неверия и вольнодумства предлог утверждать, что слово Божие предлагает нам касательно будущего состояния нашего одни таинства и непостижимости для разума. Нет, если предлагаемое кажется превышающим разум, то потому, что разум находится теперь во всех нас в состоянии детском. Если бы он возрос и возмужал в разумении существа человеческого и мира, нас окружающего, то сам бы увидел внутренно истину того, что открывает нам вера и Евангелие. Для сего, говорю, мы вошли в некоторые, не так обыкновенные, изъяснения, и для того, чтобы устранить мрачную и ложную мысль, якобы Творец Сам непосредственно будет мучить тварь Своим всемогуществом. Нет, любовь вечная не мучит и не может мучить никого. Мучит и терзает здесь на земле, и там — во аде грех. Бог не сотворил ни смерти, ни ада, их произвел грех.

Да обратится же на сего врага все отвращение и вся ненависть наша! Да не обретет он себе ни малейшего места не только в нравах и деяниях, в самых мыслях и словах наших! При первом появлении греха в себе, в каком бы то виде ни было, да спешим изгнать и подавлять его совершенно! Средств к сему, как увидим в следующих собеседованиях наших, столько запасено для каждого из нас, благодатью Божией, что кто погибнет от греха (а погибнет непременно, если не исправится), тот должен винить в своей гибели только себя самого. Аминь.